This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

IN MEMORY OF

Professor Henry Lanz

FOUNDER OF THE SLAVIC
DEPARTMENT AT STANFORD

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

ОТЗВУКИ РАЗСКАЗОВЪ И. Ѳ. ГОРБУНОВА

Пушкинъ неизмѣнно втеченіи всей своей жизни утверждалъ, что все что возбуждаетъ смѣхъ— позволительно и здорово.

Кн. Павелъ Вяземскій.

1883—1895

ГР. ПАВЕЛЪ ШЕРЕМЕТЕВЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1901.

ОТЗВУКИ

РАЗСКАЗОВЪ

И. Ѳ. ГОРБУНОВА

ДОМАШНЯЯ
БИБЛІОТЕКА
УЛИТИНА
Алексея Викторовича

Пушкинъ неизмѣнно втеченіи всей своей жизни утверждалъ, что все что возбуждаетъ смѣхъ— позволительно и здорово.

Кн. Павелъ Вяземскій.

1883—1895

ГР. ПАВЕЛЪ ШЕРЕМЕТЕВЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1901.

PG3337
G62Z88

3017

Дозволено цензурою, С.-Петербургъ. 20 Декабря 1900 г.

Типографія М. М. Стасюлевича. Вас. Остр., 5 лин., 28.

Не разъ испытавъ наслажденіе отъ полныхъ художественной прелести разсказовъ Ивана Ѳедоровича Горбунова, рѣшаюсь записать всѣ уцѣлѣвшіе въ памяти клочки его творчества и принести этимъ посильную помощь дѣлу изданія полнаго собранія его сочиненій. Многое изъ того, что̀ разсказывалъ Горбуновъ, не было записано имъ самимъ, а всѣ знавшіе его навѣрное помнятъ, съ какой щедростью разбрасывалъ онъ богатые дары своего необыкновеннаго таланта.

Тонкая наблюдательность, богатство образовъ и картинъ, ихъ выпуклость, чувство мѣры, знаніе русскаго быта и духа русской исторіи, безподобный юморъ—вотъ черты его творчества.

Но проходятъ года... и время стираетъ въ памяти многое изъ цѣлой области устной литературы. Надо спѣшить занесеніемъ на бумагу всего того, что̀ еще сохранилось...

Въ первый разъ мнѣ привелось видѣть Ивана

Ѳедоровича Горбунова въ 1883 году. Это было у насъ на дѣтскомъ домашнемъ спектаклѣ. Живо помню настроеніе за кулисами, когда распространилось извѣстіе, что въ залѣ въ числѣ зрителей находится извѣстный артистъ Горбуновъ, и какъ мы волновались, боясь уронить игру въ глазахъ знаменитости, въ особенности, когда разглядѣли въ углу залы незнакомую фигуру зрителя, стоявшую позади стульевъ, недалеко отъ входа. Помню хорошо Ивана Ѳедоровича и въ Кусковѣ, также около этого времени. Онъ ежегодно пріѣзжалъ къ намъ въ деревню, а зимой бывалъ почти каждую среду по вечерамъ, и тутъ не разъ можно было услыхать иногда что-нибудь совершенно новое, или старое съ новыми оттѣнками, которое тутъ же рождалось, благодаря его необычайно богатому дару импровизаціи.

Большинство здѣсь записаннаго было или лично воспринято за годы знакомства съ 1883 по 1895 и занесено на бумагу по памяти, или записано со словъ другихъ его друзей, слушателей и знакомыхъ, поименованныхъ въ концѣ этой книжки, и только три разсказа взяты изъ числа напечатанныхъ, являясь отчасти повтореніемъ извѣстнаго—см. ссылки: 9, 29 и 30; но мнѣ казалось, что моя запись будетъ не излишняя, благодаря многимъ варьантамъ и вставкамъ, которые порой дѣлалъ самъ авторъ даже и въ законченныхъ своихъ разсказахъ.

Можетъ статься, мой трудъ поможетъ друзьямъ и слушателямъ И. Ѳ. Горбунова воскресить все то, что́ еще живетъ въ памяти. Можетъ быть кто-либо пожелаетъ исправить, или дополнить мной записанное. Этимъ облегчится и изданіе сочиненій его, предпринятое въ Императорскомъ Обществѣ Любителей Древней Письменности.

Считаю долгомъ выразить свою искреннюю благодарность лицамъ, помогшимъ мнѣ выполнить предпринятый два года тому назадъ трудъ: А. П. Барсукову, Ив. П. Барсукову, Н. П. Барсукову, А. Ѳ. Безобразову, гр. Н. Е. Комаровскому, А. Ѳ. Кони, С. В. Максимову, кн. Д. Д. Оболенскому, М. И. Писареву, А. П. Сабурову, М. П. Садовскому, кн. П. Д. Святополкъ-Мирскому, М. А. Стаховичу, Н. В. Султанову, С. Т. Филиппову и особенно отцу моему гр. С. Д. Шереметеву и братьямъ моимъ гр. Д. С. Шереметеву, гр. Б. С. Шереметеву и гр. П. С. Шереметеву, а также всѣмъ лицамъ, содѣйствовавшимъ своими совѣтами и дорогимъ для меня вниманіемъ его осуществленію.

Гр. П. Шереметевъ.

Село Уборы
Звенигородскаго уѣзда,
Московской губ.
18 апрѣля,
1901.

Начало художественной дѣятельности Горбунова принадлежитъ Москвѣ, а потому въ началѣ помѣщаются обрывки изъ *Московскаго захолустья,* нравы котораго онъ изучилъ съ такой любовью и въ такомъ совершенствѣ.

Въ знаменитомъ *домѣ* московскаго захолустья, въ томъ домѣ, который обыкновенно представлялся чѣмъ-то таинственнымъ и гдѣ ворота были всегда заперты, окна закрыты и занавѣски спущены, въ одну ночь произошло, очевидно, что-то *необыкновенное.* Внутри дома все пришло въ движеніе, забѣгали огоньки въ окнахъ, тѣни зашевелились на занавѣскахъ, къ дому подъѣзжали чьи-то дрожки, словомъ, должно было дѣйствительно произойти что-то странное.

На утро сосѣди, обитатели *захолустья*, узнали, что *народился* сынъ Семенушка...

Что́ же это былъ за домъ?

Жили тамъ три бабушки: одна по хозяйственной части, другая по педагогической, а

третья не вставала съ постели и лежала цѣлый день. Дѣдушка все больше держался на печкѣ.

Была еще въ домѣ Вѣра Дмитріевна съ подвязанной щекой, неизвѣстное существо, вѣроятно, дальняя родственница, имѣвшая романъ въ молодости съ секретаремъ магистрата, который пропилъ все ея состояніе и «на всю жизнь оставилъ одну меланхолію...» [1]).

— Бѣдная я женщина, говорила она, но во мнѣ столько благородства, хотя и купеческаго, что я никому не позволю...[2]).

Въ изображеніи Горбунова оживали цѣлые міры...

...Старинный домъ съ колоннами, большой садъ съ піонами, калуферомъ, божьимъ деревомъ, бархатцами, шапочками, анютиными глазками, яблонями бѣлаго наливу, кустами крыжовника и смородины. Внутри тяжелая красная мебель, раззолоченныя кіоты съ образами, часы съ боемъ, канарейка въ клѣткѣ...

Чувствовался даже запахъ дома и та тишина, обличающая издревле заведенный порядокъ.

...Какъ въ прошломъ году на святкахъ ставили мѣломъ на дверяхъ кресты, такъ и въ этомъ году будутъ ставить; какъ въ прошломъ году 9 марта пекли изъ тѣста жаворонковъ, такъ и въ этомъ будутъ печь ихъ...

Удручающей скукой вѣетъ отъ этой мертвой жизни, особливо въ послѣобѣденное время.

...Все спитъ. Спятъ хозяева, спятъ дѣти, спятъ коты, спятъ куры. На улицѣ жарко, тихо и мертво, ни малѣйшаго признака жизни, даже птицы попрятались, даже въ саду вѣтки деревьевъ не колышатся [3])...

Горбуновъ неподражаемо изображалъ настроеніе, царившее внутри дома. Лицо его становилось томительно-скучающимъ. Онъ молчалъ, и это молчаніе длилось нѣсколько секундъ.

Затѣмъ слышались только звуки:

— Цикъ... цикъ... Цикъ... цикъ...

Это маятникъ уныло и однообразно стучалъ свою пѣсню.

Тоска.....

Начинали говорить о снахъ.

Одной бабушкѣ прислышался во снѣ *звукъ трубный*, другая видѣла во снѣ, что ее *съ горы спихнули*.

— Это, бабушка, *къ росту*, увѣряетъ ее кто-то.

Вѣра Дмитріевна, нервно вздрагивающее на каждомъ шагу существо, ясно видѣла, какъ на нее *лёвъ бросился*...

— Вотъ такъ, вотъ такъ, показывала она руками, изображая лапы хищнаго звѣря, готоваго на нее броситься.

Среди этихъ обитателей дома предстояло воспитываться Семенушкѣ. Основы этого воспитанія въ точности неизвѣстны. Семенушку, ка-

жется, больше кормили и занимались этимъ цѣлый день, приговаривая:

— Ѣшь, Семенушка, *ночью не дадутъ.*

И Семенушка ѣлъ и откармливался на славу. Лицо у него становилось круглое, лоснящееся, тупое. Глаза мутные, безсмысленные. Онъ долго не могъ произнести ни слова — только мычалъ, положа палецъ въ ротъ...

— Баушка, а баушка, подходитъ однажды Семенушка къ постели той изъ бабушекъ, которая лежитъ, и толкаетъ ее въ бокъ.

Та издаетъ въ отвѣтъ неясные стоны...

— Баушка, снова начинаетъ внучекъ, что́ сегодня за обѣдомъ будетъ, солонина, али что́?

Бабушка снова стонетъ отъ удара въ бокъ...

— Да что пристаешь къ бабушкѣ?! укоризненно обращаются къ внуку.

— Она *сама* дражнится, оправдывается, съ обычнымъ мычаніемъ, Семенушка.

Наконецъ, пришла пора учиться, ибо необходимость просвѣщенія проникла какъ-то и въ захолустье.

Чему учили Семенушку, неизвѣстно, только та изъ бабушекъ, что́ была «по педагогической части», услыхавъ однажды урокъ географіи, пришла въ ужасъ:

— Страсти какія, прости Господи: «Мадридъ при рѣкѣ Мансанаресѣ»... или уже совсѣмъ

нехорошія слова: «Аранхуецъ»... «Бабельмандебскій проливъ»...

Мало и плохо учили Семенушку.

Однажды былъ приглашенъ на домашній экзаменъ мѣстный батюшка, но въ чемъ состояло испытаніе, не сохранилось въ памяти. Помню только вопросъ священника, увидавшаго на столѣ раскрытую книгу Телемака:

— Кто была Калипсо?

И быстрый отвѣтъ Семенушки:

— Дьячкова собака.

На другой вопросъ:

— Кто былъ Моисей?

Семенушка положа, по своему обыкновенію, палецъ въ ротъ и произнося *т* какъ англійское *th*, не замедля отвѣчалъ:

— Потопъ.

Батюшка щелкнулъ пальцами по Семенушкиной головѣ и получился звукъ, какъ изъ спѣлаго арбуза.

Семенушка не любилъ уроковъ, а любимымъ его занятіемъ было ходить по саду и «георгины выворачивать», или орошать растущіе въ клумбахъ піоны, а когда его заставали за этимъ послѣднимъ занятіемъ и спрашивали, что онъ дѣлаетъ, то онъ отвѣчалъ:

— Это я *лакъ* навожу...

Обычно царящая въ домѣ скука исчезала только на масляницѣ.

Всѣ обитатели дома приходили въ броженіе, собирался совѣтъ и сообща обсуждали на немъ, какъ и что́ ѣсть. Закупались массами лещи и другая провизія. Въ понедѣльникъ назначались блины, во вторникъ — блины, въ среду — тоже блины, въ четвергъ — оладьи, въ пятницу — опять блины, въ субботу — блины и оладьи.

— А лещи каждый день пойдутъ, вставлялъ кто-нибудь, съ чѣмъ всѣ соглашались: «само собой, что́ ихъ жалѣть-то!»

Каждый ѣстъ по-своему, какъ ему удобнѣе. Дѣдушка на печкѣ, откуда онъ уже не слѣзаетъ, ѣстъ безъ ножа и вилки, а опустивъ блинъ въ сметану и масло, подбрасываетъ его рукой и хватаетъ на-лету, на подобіе собаки, ловящей муху, издавая при этомъ странные звуки, а масло и сметана текутъ по рукамъ...

По всему дому начинаетъ носиться какой-то особенный «блинный запахъ»...

Коты замурлыкали, даже въ щеляхъ тараканы зашевелились.

Шарикъ сидитъ въ кухнѣ, облизывается и поглядываетъ на кухарокъ. Дворникъ привѣтствуетъ его:

— Блиновъ, старый чортъ, дожидаешься?

Подъ конецъ недѣли, когда никто уже ѣсть не можетъ, всѣхъ *разобрало* и весь домъ *одурѣлъ*, сидятъ молча и только вдругъ по вре-

менамъ слышно чье-нибудь громкое иканіе, послѣ чего тотчасъ крестятъ ротъ съ возгласомъ:

— Боже, очисти мя грѣшнаго...

Или Семепушка вдругъ воскликнетъ:

— Манька, я забылъ, сколько съѣлъ...

Запасовъ однако еще остается много, такъ что подъ конецъ стали бросать собакамъ, но «и тѣ не берутъ».

Наконецъ проходитъ масляная недѣля, наступаетъ великій постъ и соотвѣтствующій контрастъ выраженія лицъ не забывался Горбуновымъ: вмѣсто блиннаго настроенія и обжорства, наступаетъ тяжелое время вздоховъ, молитвы и поста...

Но не такъ легко справиться съ только-что прошедшими праздниками и наладиться на постъ. Чувствуется страшная тоска...

Колокола «не звонятъ, а *охаютъ*»:

— Ингъ... энгъ... Ингъ... энгъ...

— У Сампсонія ударили!.. всхлипываетъ, крестясь, одна изъ бабушекъ.

Тоска!..

Шарикъ лаять пересталъ и лежитъ свернувшись въ воротахъ: «лещемъ подавился».

Угнетенное настроеніе сказывается и на дворникѣ дома, сидящемъ у воротъ на скамейкѣ. Онъ молчитъ и только по временамъ икаетъ...

Проходитъ по улицѣ человѣкъ, неся на плечѣ бутыль съ какою-то жидкостью.

— Милый человѣкъ, что́ это вы несетя? спрашиваетъ дворникъ у прохожаго маляра.

— Скипидаръ.

— А намажьте нашей собакѣ ж...?!

— Давайтя...

— Мажтя!

— Шарикъ, Шарикъ... фью, фью, свиститъ довольный своей идеей и предвкушающій веселое удовольствіе дворникъ.

— Шарикъ, хопъ на грудку!..

Собака довѣрчиво подбѣгаетъ на зовъ, но въ это время опрокидывается бутыль съ скипидаромъ, Шарикъ взвизгиваетъ и съ воемъ хочетъ вырваться изъ рукъ держащаго его дворника, но тотъ не пускаетъ.

— Что-о! Не лю-ю-бишь, су-у-кинъ сынъ?..

— Ого-го-го... вотъ забрало когда... съ азартомъ вскрикиваетъ дворникъ.

— Завертѣ-ѣ-лси!..

— Не лю-ю-бишь?

— Су-у-кинъ сынъ...

А колокола продолжаютъ между тѣмъ свое грустное оханье:

— Ингъ... энгъ... Ингъ... энгъ!.. напоминая о наступленіи тяжелыхъ дней поста и молитвы...

Отъ великопостныхъ забавъ обитателей дома въ захолустьѣ вернемся снова къ главному его герою.

Семенушка сталъ выростать и приближаться

къ тому возрасту, когда онъ сталъ находить удовольствіе «тереться около кухарки»...

Кутежи его, скитанія по разнымъ темнымъ мѣстамъ, гдѣ посѣтитель однажды вздумалъ рѣзать подушки и пускать по комнатѣ пухъ, испортилъ фортепіано и учинилъ другія безчинства, за что́ ему былъ поданъ соотвѣтствующій счетъ хозяйкой, все это изображено живо и образно, но не совсѣмъ удобно для печати.

Любопытны, напримѣръ, звуки, слышавшіеся по временамъ изъ сосѣднихъ комнатъ этихъ притоновъ за стѣнами, напримѣръ чей-то умоляющій голосъ:

— Анжелика, *квасу*...

Рисуя однако грязь жизни, Горбуновъ сказывался всегда, какъ художникъ, знавшій чувство мѣры.

Но вотъ Семенушку надумали женить, разумѣется, черезъ сваху. Хороша сцена объясненія съ невѣстой. Оба долго молчатъ. Наконецъ, Семенушка прерываетъ молчаніе и рѣшается спросить о лежащей передъ нимъ рукодѣльной работѣ:

— Это вы кошечку вышивали?

А потомъ, истощивъ, очевидно, весь свой запасъ новостей, неожиданно сообщаетъ:

— А у насъ сегодня ночью караулъ кричали!..

Невѣста тоже изъ купеческой среды. Это

одна изъ тѣхъ замоскворѣцкихъ дѣвицъ, которыя поютъ чувствительные романсы въ родѣ слѣдующаго: «Какой пріятный зéфиръ вѣетъ»... или:

Ахъ! скажи зачѣмъ,
Милый, не могу я
Слить лобзанія струю
Въ пламя поцалуя?..

По ея поводу дьяконъ церкви, въ которой ей предстоитъ вѣнчаться, бесѣдуя съ шаферомъ, на просьбу послѣдняго погромче прочитать апостолъ, выражаетъ опасеніе:

— Да на одной свадьбѣ я какъ *гаркнулъ*: «а жена да боится своего мужа», тáкъ она на шафера и покатилась, только подхватили...

— Нѣтъ, успокаиваетъ шаферъ невѣсты: *наша выдержитъ*: вотъ когда въ царскій день изъ пушекъ палятъ, такъ гулять туда водятъ, любитъ, ничего...

Настаетъ, наконецъ, день вѣнчанія Семенушки. Церковь наполняется народомъ.

Семенушка прибылъ съ двумя шаферами: одинъ Толкачевъ, другой Кирпичевъ, оба во фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ, въ штанахъ съ *виноградными лампасами* и оба въ меланхолическомъ настроеніи, какъ потерпѣвшіе неудачу въ сватовствѣ.

Въ ожиданіи невѣсты шафера стоятъ впереди,

небрежно крестятся, болтая руками, и разсѣянно глядятъ по сторонамъ, а изрѣдка на иконы.

Стоящая сзади нихъ набожная старушка приходитъ въ ужасъ отъ ихъ поведенія и дѣлится въ своемъ негодованіи съ сосѣдкой:

— Одному угоднику мигнетъ, другому кивнетъ, а третій самъ догадается.

На клиросѣ хоръ пѣвчихъ, которому регентъ задаетъ тонъ:

— Соль-си-ре...

При этомъ онъ поднимаетъ камертонъ къ уху, положивъ лѣвую руку на голову дисканта и щелкая его по временамъ ею.

Теноръ, въ красномъ галстукѣ, утромъ проглотилъ два сырыхъ яйца, для голоса, и запилъ рюмкой кюмеля, для прочистки горла.

Наконецъ басъ, *октава за полтинникъ*, временно приглашаемый; у него такой голосъ, что приходится ставить его за нѣсколько шаговъ назадъ.

При входѣ жениха хоръ поетъ:

— Вŏс...пōй...тĕ, лю...ŭ...ŭ...ді-ē-ē...

Когда, наконецъ, разносится ожидаемая съ минуты на минуту вѣсть, что невѣста пріѣхала, регентъ еще разъ задаетъ тонъ, и раздаются звуки концерта.

— Гряды... гряды... гряды...

Теноръ начинаетъ съ страшно высокой ноты:

— О-ŏ-тъ Лӣ-ѝ-ва̄-ă-на̄-ă не̄-ĕ-вѣ̄-ѣ̆-сто̄... выводитъ онъ, опускаясь ниже и ниже.

— Са̄мъ бŏ грядѐтъ во̄-о сла̄вѣ̆... томно входятъ альты.

— Во́ славѣ, во́ славѣ... Во́ славѣ, во́ славѣ... подхватываютъ, чередуясь, громкіе басы и крикливые дисканты.

— Э-э-э... реветъ «октава за полтинникъ» [4]).

Домой молодые отправляются съ вѣнцами на головахъ. У входа въ домъ, едва они переступаютъ порогъ двери, ихъ встрѣчаетъ оглушительный трескъ барабаннаго боя: въ дверяхъ поставленъ барабанщикъ для выбиванія дроби, такъ что даже генерала, шедшаго съ лентой черезъ плечо, передернуло, онъ не выдержалъ, и отъ неожиданности, шарахнулся въ сторону [5]).

Послѣ свадьбы обѣдъ. Кажется, здѣсь выведена хозяйка дома, встрѣчающая гостей соотвѣтственно ихъ положенію и чину. Столъ, уставленный яствами, передъ нимъ хозяйка. Входятъ наиболѣе уважаемые гости:

— Не уго-одно ли кому е-ежели? учтиво и кланяясь предлагаетъ хозяйка.

— Подходите... *которые!* едва бросаетъ она черезъ нѣкоторое время робко дожидающимся очереди остальнымъ гостямъ, принадлежащимъ вѣроятно къ безчисленному родству [6]).

Цѣлая картина рисовалась и по поводу похоронъ въ томъ же захолустьѣ.

Вотъ рядъ нищихъ, ютящихся около дома; одинъ во фризовой шинели, другой въ длинномъ истрепанномъ халатѣ, третій въ истасканномъ вицъ-мундирѣ...

Дворникъ весьма недоволенъ всей этой разношерстной толпой:

— Экой рвани-то, рвани-то что понаперло, пушкой не прошибешь.

На что́ ему отвѣчаютъ изъ толпы:

— Кормимся, почтенный, кормимся: ты думаешь, лестно ходить по Москвѣ-то...

Кучеръ, сидящій на козлахъ, ввертываетъ по этому поводу свое замѣчаніе:

— Безъ нихъ и кабаки бы не стояли.

Нищій огрызается и происходитъ перебранка:

— Тебѣ, жирному чорту, хорошо тамъ сидѣть-то...

— Мнѣ чудесно. Лучше требовать нельзя.

— Ну, такъ и сиди, тебя не трогаютъ!

— Еще бы тронулъ. Я те такъ трону... Тпру! Балуй!... [7]).

Послѣднее уже относится къ лошади.

Дальнѣйшая судьба Семенушки неизвѣстна; она теряется въ разсказахъ Горбунова, соединяясь, по всѣмъ вѣроятіямъ, съ обществомъ

ему подобныхъ героевъ, членовъ «Общества прикосновенія къ чужой собственности», участниковъ обѣда на нижегородской ярмаркѣ въ честь американцевъ, любителей «Тенерифа» и арфистокъ.

Хорошъ былъ типъ такого любителя, мелькнувшій однажды у Ивана Ѳедоровича, выведенный въ Стрѣльнѣ, или гдѣ-то за-городомъ. Онъ сильно разошелся въ восторгѣ отъ исполненія хоромъ пѣсни, и только виднѣлась посреди цыганъ размахивающая руками фигура и слышались его пьяные крики:

— Дѣлай! дѣлай!

Семенушка съ товарищами представляетъ изъ себя не разъ отмѣченный литературой полупросвѣщенный слой русскаго купечества, вкусившій отъ прелестей цивилизаціи.

Онъ, вѣроятно, побывалъ и за границей, по крайней мѣрѣ одинъ изъ ему подобныхъ, будучи за границей, *бралъ уроки, какъ сидѣть по діагонали въ открытой коляскѣ*...

Было также упоминаніе, какъ одинъ купецъ *на Хеопса лазилъ*.

Подъ конецъ жизни снова выплываетъ, очевидно, тотъ же Семенушка, котораго Горбуновъ проводилъ въ городскіе головы и неподражаемо передавалъ сцену обѣда въ его честь, рѣчи и отвѣтъ растроганнаго юбиляра, который тупо бормоталъ одно только:

— Я всегда... господа... Я всегда...

Ничего другого у него не выходило, да и собравшіеся чествовать своего уважаемаго большею частью были заняты угощеніемъ самихъ себя, такъ что не удивительно, что изъ-подъ нависшихъ облаковъ дыма въ концѣ обѣда вмѣстѣ съ пьяными криками ура можно было услыхать голоса:

— Бей его!...

Міръ московскаго купечества былъ одной изъ наиболѣе знакомыхъ областей Горбунову. Онъ любилъ разсказывать о немъ и оставилъ въ нѣсколькихъ печатныхъ разсказахъ безподобныя изображенія среды.

Вотъ, напримѣръ, обрывокъ, впрочемъ почти совершенно непередаваемаго изображенія Горбуновымъ разсказа городского головы о посѣщеніи Государемъ его дома во время коронаціи.

Хозяинъ страшно взволнованъ, говоритъ быстро и начинаетъ объяснять вошедшимъ гостямъ, которые приходили его поздравить. Прерывающимся голосомъ онъ разсказываетъ все по порядку, какъ все было устроено.

— Невступно въ такомъ-то часу... всѣ собрались, красное сукно... Закричали: ѣдутъ!..

Но едва разсказывавшій доходилъ до того мѣста, гдѣ онъ объяснялъ, какъ кто стоялъ и входилъ въ подробности, въ эту минуту появлялся новый гость, спѣшившій съ поздравле-

ніями, и хозяинъ кидался къ нему и начиналъ съ начала:

— Невступно въ такомъ-то часу... красное сукно... ѣдутъ. Вотъ такъ мы стояли, здѣсь я стоялъ, и онъ бѣжалъ указывать мѣсто, а затѣмъ опять все начиналось съизнова по случаю слѣдующаго прихода кого-нибудь изъ новыхъ гостей [8]).

Есть у Горбунова совсѣмъ законченный разсказъ изъ быта того же захолустья. Это разсказъ о Затменіи солнца. Хотя этотъ извѣстный разсказъ можно найти въ собраніи его сочиненій, но я все же приведу его въ томъ видѣ, какъ онъ его разсказывалъ. Разсказъ производилъ особенное впечатлѣніе.

Ясно видѣлась собравшаяся на улицѣ толпа, привлеченная неожиданнымъ появленіемъ неизвѣстнаго человѣка съ подзорной трубой, и слышались удивленныя и негодующія рѣчи:

— Что это за народъ собрамши?

— Богъ ихъ знаетъ... съ утра стоятъ.

— Не на счетъ ли солонины?

— Какой солонины?

— Да вѣдь какъ же: этотъ хозяинъ кормилъ фабрику солониной, но только теперича эту самую солонину запечатали, потому *ѣсть* ее нѣтъ никакой возможности.

— Это вы на счетъ солонины-то? Нѣтъ,

ужъ онъ имъ три ведра поставилъ: распечатали, *опять жрутъ*...

— Что это за народъ собрамши?

— Разно говорятъ: кто говоритъ—на̀ небѣ не ладно, кто говоритъ — купецъ повѣсился...

— А мы изъ Нижняго ѣхали... разсказываетъ одинъ изъ толпы... *пьяные*... Ѣдемъ мы пьяные и сейчасъ это *комета* прямо къ намъ въ тарантасъ... инда хмель соскочилъ. Я говорю:

— Петръ Семеновъ, смотри.

— Я, говоритъ, ужъ давно вижу... а самъ такъ и трясется...

— Не оборотить ли, говоритъ, намъ назадъ?

— Богъ милостивъ, говорю, отъ судьбы не уѣдешь, давай лучше выпьемъ, а она, матушка, можетъ, стороной пройдетъ. Хвостъ ужъ очень *разителенъ*. Такой хвостъ, я тебѣ доложу, что просто...

Въ это время завязывается разговоръ, переходящій въ перебранку, съ неизвѣстнымъ человѣкомъ, разсматривающимъ солнце въ трубу. Все, что̀ онъ говоритъ, очевидно, не внушаетъ ни малѣйшаго довѣрія и слышны возгласы:

— Нѣтъ-съ, а вы *докажите*!

— И докажу!

— Одно ваше невѣжество!

— Извольте говорить, мы слушаемъ. Вы говорите...

— Я васъ очень хорошо знаю: вы—московскій мѣщанинъ и больше ничего.

— Оченно это можетъ быть, а вы про *затменіе* докажите! Вы только народъ въ сумленіе привели!... Изъ-за вашихъ пустыхъ словъ теперича этакое собраніе!

Шумъ и смущеніе увеличиваются. Очевидно, съ доводами согласна толпа. Слышатся крики:

— Гордовой!.. Гордовой!..

— Вотъ онъ тебѣ покажетъ затменіе.

И чей-то утвердительный и сочувствующій возгласъ:

— Да, *нашъ* гордовой никого не помилуетъ!

— *Докажите!* опять обращаются къ астроному.

— Живемъ мы тихо, смирно, благородно, а вы тутъ пришли—всѣхъ взбудоражили.

Кто-то приводитъ случай съ одной купчихой, только-что происшедшій:

— Хозяйка наша въ баню поѣхала и сейчасъ спрашиваетъ: зачѣмъ народъ собирается? А кучеръ-то, дуракъ, и *ляпни*: затменія небеснаго дожидаются... Сырой-то женщинѣ!!! Такъ та и покатилась...

— Онъ съ утра здѣсь путается, говоритъ кто-то. Спервоначалу зашелъ въ трактиръ и сталъ эти свои слова говорить: «теперича, говоритъ, земля вертится», а Иванъ Ильичъ какъ *свиснетъ* его въ ухо...

— Развѣ мы, говоритъ, на вертушкѣ живемъ?!

Астронома начинаютъ уговаривать убраться по-добру по-здорову:

— Господинъ, проходите!

— Баринъ, ступай лучше, откуда пришелъ, а то мы тебѣ лопатки назадъ скрутимъ!..

Подходитъ еще кто-то и опять раздается все тотъ же возгласъ:

— Что́ это за народъ собрамши?

— Вонъ пьяный какой-то выскочилъ изъ трактиру, наставилъ трубочку на солнышко, говоритъ: затменіе будетъ.

Вновь пришедшій, очевидно, не сомнѣвается, что лучшее въ этомъ случаѣ это присутствіе подлежащей власти и поэтому спрашиваетъ:

— А гдѣ-жъ гордовой?

— Чай пить пошелъ...

Черезъ нѣкоторое время, наконецъ, появляется давно ожидаемый полицейскій и первое, что̀ раздается съ его стороны въ отвѣтъ на многочисленныя заявленія толпы, это громкое:

— *Осади назадъ!*

Раздаются возгласы изъ толпы.

— Теперича этотъ человѣкъ...

— Иванъ Павлычъ, ты нашъ тѣлохранитель, выручи!

Неизвѣстный человѣкъ съ трубой грустно и съ укоромъ обращается къ толпѣ:

— Вы тогда поймете, когда въ *дискѣ* будетъ.

Слово «дискъ» производитъ, однако, дѣй-

ствіе удручающее. Уже не можетъ быть сомнѣнія, что человѣкъ, предсказывающій затменіе небесное, не внушаетъ довѣрія и потому, въ отвѣтъ на его слова, раздается увѣренный голосъ:

— Почтенный, вы за это отвѣтите!

— За что́? спрашиваетъ удивленный астрономъ.

— А вотъ за это *слово* ваше нехорошее...

Но тотъ, увлекшись наступленіемъ момента, торжественно объявляетъ:

— Сейчасъ затмится!

Тутъ уже городовой считаетъ долгомъ вмѣшаться въ дѣло и прямо обращается къ астроному:

— Можетъ и затмится, а вы, господинъ, пожалуйте въ участокъ. Этого дѣла такъ оставить нельзя...

И несчастнаго забираютъ...

— Какъ возможно! соглашаются въ толпѣ.

— Хотѣлъ на Божью планиду, а попалъ въ часть, остритъ кто-то.

— На Кавказѣ бы *за это*... говоритъ старый солдатъ, но не договариваетъ, что́ было бы за это, и весь разсказъ заключается грустнымъ восклицаніемъ:

— И сколько этого глупаго народа на свѣтѣ... [9])

Въ печатныхъ разсказахъ Горбунова разбросано много мѣткихъ чертъ, рисующихъ бытъ купеческаго общества, который, особенно въ прежніе годы, отличался широкимъ размахомъ жизни.

Въ тѣ времена «въ ярмарку-то отъ самой Москвы вплоть до Нижняго *стонъ* стоялъ. Купецъ, бывало, всю *душу выкладываетъ*: нá, говоритъ, смотри, какая она есть... Ѣдешь по дорогѣ—тамъ лошадь замучена, тамъ лошадь замучена—значитъ, купецъ дѣйствовалъ»...

Да и самыя особенности кутежей чрезвычайно любопытны; напримѣръ, однажды цѣлая компанія въ Кунавинѣ *пухъ изъ подушекъ на улицу выпущали*... большое стеченіе публики было, разсказываетъ одинъ трактирный служитель.

Въ другой разъ одинъ купецъ «два раза у себя въ палатѣ *монахомъ облачался*, а сибирякъ какой-то «въ трактирѣ, въ акваріи уто-

нулъ — стерлядей хотѣлъ полюбопытствовать. Утромъ смотрятъ—торчатъ его ноги купеческія...»

Иногда, однако, эти дѣйства оканчивались поистинѣ трагически и въ Лебедяни, напримѣръ, разыгралась драма: «купецъ бушевалъ въ трактирѣ — бутылкой прикончилъ, *долбанулъ* цыганку Катю, ту, которая такъ удивительно пѣла «искры изъ глазъ сыпала»... [10]).

Иногда разсказывалось, что и самые кутежи происходили отъ трагическихъ причинъ. Таковъ, напримѣръ, разсказъ «Обидно», монологъ купца, гдѣ-то въ загородномъ ресторанѣ, посреди хора цыганъ.

Хорошъ и самый пріѣздъ купца.

Морозъ крещенскій, никого не ждутъ, огни потушены, повара разошлись, цыгане спятъ...

Вдругъ вваливается шуба и раздается громкій окрикъ:

— Огня!

Лакей вскакиваетъ и подноситъ свѣчку. Купецъ уже пьянъ, у него въ глазахъ троится. Онъ цѣлится и не можетъ закурить.

— Въ которую? Тутъ три!

Лакей догадывается:

— Извольте въ среднюю, *надежнѣе*...

Купецъ сбрасываетъ шубу и требуетъ цыганъ. [11]).

Послѣ этого начинается самый разсказъ, вошедшій въ печать, какъ онъ «претерпѣвалъ

за любовь» къ какой-то барышнѣ, высунувшейся изъ окна въ то время, какъ онъ шелъ «довольно равнодушно по улицѣ» и какъ съ этой минуты его обуяла страсть, «словно она кипяткомъ ошпарила»...

Тотчасъ онъ сталъ по три раза въ день ходить въ цирульню — завиваться и завелъ знакомство. Все шло прекрасно и можно было ожидать благополучнаго конца сватовства, потому что приняли его отлично, и даже маменька приказала домъ въ голубую окрасить:

— Оченно я, говоритъ, нѣжный цвѣтъ люблю...

Сомнѣнія въ успѣхѣ не было ни малѣйшаго.

— Чтó этой *слякоти* сродственниковъ повылѣзло—все на мой счетъ, продолжаетъ разсказчикъ.

— Жри! купецъ заплатитъ...

Но дѣло не выгорѣло: во время отлучки его въ Нижній, на ярмарку, оказалось, что невѣсту за повѣреннаго выдали.

И купецъ пошелъ чертить «двѣ недѣли безъ просыпу»... [12]).

Въ печатный разсказъ не вошло, но Горбуновъ вставлялъ отъ лица пострадавшаго:

— На фабрикѣ два дня орудовалъ... Изъ Москвы смотрѣть съѣзжались... *Всѣ стекла выбилъ... за поминъ души тятеньки...*

— Давно я эту *мысль* въ своей головѣ держалъ... [13]).

Должно быть, дѣйствительно кутежъ былъ сильный, потому что у него «отъ коньяку шею свело... два протокола составили... въ тюрьмѣ сидѣлъ за безобразіе... въ сѣромъ пальто ходилъ».

И чтобы разсѣять тоску—одно только теперича и осталось, и онъ обращается къ хору:

— Фараоны, въ линію! Конокрады, по мѣстамъ!

И самъ запѣваетъ пьянымъ, сквозь слезы, голосомъ:

Спрятался мѣсяцъ за ту-учку
Больше не хочетъ гулять... [14]).

Родственная по духу среда встрѣчала и американскихъ гостей. Не буду подробно останавливаться на этомъ «угощеніи заатлантическихъ друзей», ибо это помянуто А. Ѳ. Кони въ его очеркѣ, дополню только нѣкоторыя опущенныя подробности.

Все угощеніе было устроено въ семи залахъ.

Одинъ купецъ помѣстился въ первой залѣ; къ такимъ обѣдамъ онъ еще не привыкъ и потому *смотритъ въ одну точку*: *боится расплескаться*...

Его товарищъ сѣлъ въ седьмой залѣ, но у нихъ было «сродство душъ», и они знали, когда слѣдуетъ подыматься.

Богатая закуска была подана на отдѣльныхъ столахъ. Въ ожиданіи прибытія почетныхъ гостей участники ходятъ вокругъ столовъ и облизываются, у нихъ текутъ слюни...

— Каковы *объекты?!* обращается одинъ къ другому.

— Вотъ такъ *ракъ*! произноситъ третій, дѣлая *стойку надъ омаромъ*, какъ пойнтеръ въ болотѣ надъ бекасомъ.

— Эта закуска *ба-альшой водки* требуетъ, убѣжденно говоритъ еще кто-то.

Наконецъ, Фоксъ и остальные его товарищи прибыли.

— Кто говорить будетъ? спрашиваетъ одинъ купецъ сосѣда.

— Катковъ...

— Катковъ *загне-е-тъ*... Онъ этого дѣла такъ не оставитъ.

Наконецъ пришло съ нетерпѣніемъ ожидаемое время рѣчей.

Поднялся Фоксъ. Разомъ водворилась тишина...

Лакеи съ рябчиками застыли въ дверяхъ и соусъ закапалъ съ блюдъ на ихъ рукава...

Горбуновъ поразительно воспроизводилъ эти англійскіе звуки и при томъ, не зная англійскаго

языка. Но передать эту рѣчь Фокса нѣтъ никакой возможности. Звуки ея были настолько чисто англійскіе, что не разъ ошибались даже англичане, издалека принимая ее за рѣчь соотечественника.

Въ началѣ ея слышалось: *Gentlemen*... Потомъ по временамъ долетали другія отдѣльныя слова: *America*... *Emperor of Russia*... *St.-Petersburg*..., но въ общемъ это былъ сплошной англійскій гулъ. Посреди рѣчи былъ перерывъ и какъ-то особенно выдѣлялся какой-то звукъ «*antwashen*»..., который вѣроятно означалъ: *and Washington*... Иногда казалось, что слышишь даже что то въ родѣ *Daily News* и *Soda water*...

Потомъ капитанъ корабля, на которомъ пріѣхали американцы, всклоченный, съ прядью нависшихъ на лобъ волосъ, яростно прокричалъ пьянымъ голосомъ свое привѣтствіе, напоминавшее отрывистый лай собаки...

Когда рѣчи на минуту стихли, купецъ толкнулъ сосѣда, давно уже порывавшагося внести и свой ораторскій вкладъ, со словами:

— Миша, говори!

— Милост... Милостив... рванулся Миша.

Но съ другой стороны кто-то дернулъ его за фалды:

— Что ты, Миша!

Но онъ нетерпѣливо отдергивается отъ не-

прошеннаго укротителя и снова хочетъ привлечь всеобщее вниманіе:

— Милостивые госуд...

Но неотвязчивый сосѣдъ снова хватаетъ его за платье съ укоризненными словами:

— Миша, срамъ, что̀ *Европа* скажетъ!..

— Поди ты къ чорту съ Европ*ай*, огрызается упрямый ораторъ и, наконецъ, привлекаетъ вниманіе, поднявшись съ полнымъ бокаломъ въ рукѣ:

— Милостивые государи... господа американе!

— Какъ ежели... мы таперича... друзья... Хлопчато-бумажная... пром-мышленность... основ-ваніе... Алексѣй Иванычъ... Х-х-лудовъ и прочіе...

— Ежели... Его Императорскому Величеству... *мостъ въ Америку-у...*

— Апосля-завтра готовъ... буди-итъ...

И съ этими словами Миша лѣзетъ цѣловаться чуть ли не съ самимъ Фоксомъ.

Закричали ура...

Купецъ, заснувшій послѣ «большой водки» въ седьмой залѣ и проспавшій тамъ весь обѣдъ, проснулся отъ шума, съ глазами какъ у *вареннаго окуня...*

Онъ срывается съ мѣста и зычнымъ голосомъ неожиданно выкрикиваетъ:

— За здо-ро-вье Пре-ос-вя-щен-наго!!! [15]).

Описанный пріѣздъ американскихъ гостей породилъ цѣлую серію угощеній, имѣвшихъ неисчислимыя послѣдствія. Американцевъ возили повсюду, показывали достопримѣчательности древней столицы. Слѣды этихъ посѣщеній видны, напримѣръ, изъ слѣдующей сцены между двумя пріятелями:

— Ваничка, что это у тебя глазокъ?

— Вчерашняго числа съ американцами въ Соболевомъ *ошибся*... [16]).

Особенное вниманіе обратилъ на себя боцманъ, оказавшійся человѣкомъ необыкновенной силы по части вина. Его всячески пробовали уложить, но это никакъ не удавалось ни въ одномъ городѣ. Все купечество пришло въ движеніе... Но вотъ, наконецъ, получается телеграмма изъ Нижняго отъ одного изъ участниковъ:

«Вчера *сю* на зеленомъ шартрезѣ *положилъ*» [17]).

Не помню подробно, но было продолженіе этого разсказа, именно прогулка по Волгѣ, гдѣ выводились боцманъ и машинисты и ихъ похожденія.

Позднѣе, когда пріѣзжали въ Россію депутаты Déroulède и Goupil, то и имъ въ Нижнемъ было устроено угощеніе въ честь депутатовъ Дуралева и Глупиля... [18]).

Времяпрепровожденіе людей, принадлежащихъ къ только-что упомянутому обществу, нигдѣ, кажется, такъ хорошо не отразилось, какъ въ разсказѣ «Тенерифъ», который художникъ влагаетъ въ уста одного изъ участниковъ загородной прогулки.

— Зашли мы это разъ за Москва-рѣку въ трактиръ, Иванъ Семеновъ взялъ прейсъ-курантъ, читаетъ:

Давно желанное *сліяніе интеллигенціи съ капиталомъ* въ настоящее время *уже* совершается:

Интеллигенція идетъ на встрѣчу къ капиталу; капиталъ, въ свою очередь, не остается чуждъ взаимности.

Въ *этихъ видахъ* наша фирма изготовила сей прейсъ-курантъ самыхъ лучшихъ иностранныхъ виноградныхъ винъ:

№ 1—*игристый.*

№ 2—*самый* игристый.

№ 3—пробка съ пружиной, при откупориваніи просятъ остерегаться *взрыву.*

Шампанское: «*Пли!*»—свадебная.

Ромъ Ямайскій, *тройной, жестокой.*

Мадера Кашинская съ дозволеннымъ правительствомъ этикетомъ, отличающаяся своею *стойкостью* и *некторальнымъ* вкусомъ.

Хересъ-Аликантъ, братьевъ Зміевыхъ, въ кувшинахъ.

Тенерифъ купца Зайцева...

Вотъ мы на Тенерифъ-то и приналегли... И *такъ* это, братецъ ты мой, *лики свои растушевали*, такіе на нихъ *колерà навели*, что Иванъ Семеновъ всталъ и говоритъ:

— Долженъ я *константировать*, что по этому прейсъ-куранту пить намъ больше никакъ невозможно, а должно искать другого убѣжища. А самъ плачетъ...

А приказчикъ:

— Не сумлевайтесь, говоритъ, это отъ Тенерифу, *эту марку немногіе выдерживаютъ*, потому онъ *въ чувство вгоняетъ* человѣка...

Вышли мы, тройку взяли, да и взвились поперекъ всей Москвы...

По сторонамъ народъ такъ и *мечется*, городовые *свистятъ*, околоточные *озираются*...

А Иванъ Семеновъ плачетъ навзрыдъ... Вали, говоритъ, прямо къ мировому, потому все одно завтра силой потащутъ...

Пріѣхали въ Стрѣльну... Не помню, что́ дальше было, помню только въ туманѣ... Арфистка плакала... Околоточный протоколъ составлялъ...

И точно. Не прошло недѣли — повѣстка! Пожалуйте!

Мировой, солидный чело-э-къ, сѣдой наружности... Господа, говоритъ, *стрѣленскіе*, пожа-

луйте къ столу, разскажите, какъ дѣло было, все по порядку.

Публика, срамъ!

— Не могу, говорю, ваше степенство, разсказывать, потому въ *пьяномъ восторгѣ* находился, да и разсказывать нѣтъ никакой пріятности.

Сталъ свидѣтелей спрашивать.

Швейцаръ говоритъ: *они*—на Иванъ Семенова показываетъ—*то* сдѣлали, что́ при публикѣ сказать невозможно, а мнѣ, говоритъ, *ухо* укусили.

— Правда это? спрашиваетъ меня.

— Правда, говорю, ваше степенство. Потому это отъ «Тенерифу».

— А почему, спрашиваетъ, вы этотъ «Тенерифъ» пьете?

— А почему, говорю, ваше степенство, начальство этотъ «Тенерифъ» *въ продажу* допущаетъ. Потому отъ его не токма́ что ухо укусить, а и человѣка *вовсе* загрызть можно...

Потомъ писать началъ, писалъ, писалъ, а потомъ: прошу, говоритъ, встать... Всѣ встали... По Указу Его и проч... да на двѣ недѣли и посадилъ.

— Ну а ежели, говорю, ваше степенство, у меня двѣ медали?...

Товарищъ вставляетъ:

— Онъ съ ними и въ баню ходитъ...

— Жалко, что вы мнѣ раньше не сказали: я бы васъ на мѣсяцъ посадилъ.

— Что́ значитъ *Тенерифъ*! Изъ-за пустого дѣла и какая непріятность выйти можетъ [19]).

Въ одной мимолетной сценкѣ изобразилъ Горбуновъ другой случай изъ жизни московскихъ шалуновъ.

Двое молодыхъ людей возвращаются домой уже подъ утро, но пылъ у нихъ еще не унялся и имъ хочется предпринять еще что-нибудь. Фантазія разыгрывается, и они задумываютъ выпить шоколаду. Но гдѣ достать въ такой часъ, когда все заперто? Они рѣшаются все-таки направиться въ ресторанъ, думая, что еще открыто. Останавливаются и сходятъ, но ихъ встрѣчаетъ заспанная фигура швейцара, который объявляетъ имъ, что ресторанъ давно запертъ.

Друзей однако не такъ-то легко унять, и одинъ съ необыкновеннымъ достоинствомъ, не обращая вниманія на швейцара, предлагаетъ, плохо выговаривая по-французски:

— Michel, allons en haut...

Но ихъ встрѣчаетъ кто-то очень не гостепріимно и спускаетъ внизъ по лѣстницѣ... только крылатка Мишеля, въ которую онъ былъ облеченъ, затрепыхалась по ступенямъ...

По другому варіанту, подобная сцена двухъ пріятелей происходила въ Петербургѣ, на лѣстницѣ ресторана Палкина [20]).

Въ поэтическомъ разсказѣ «Кинареичка» также схвачены черты изъ жизни гулящихъ людей.

Въ изустной передачѣ разсказъ производилъ глубоко-художественное впечатлѣніе, въ виду особенно того, что стихи о кинареичкѣ пѣлись и живо переносили слушателей къ открытому окну, изъ котораго неслись эти слова и звуки. Но вотъ самый разсказъ.

Улица...

У палисадника остановился, погруженный въ меланхолію отъ произведеннаго недавно имъ скандала, человѣкъ и слушаетъ, а въ окнѣ деревяннаго дома поетъ дѣвушка, сильно картавя:

А-а-ди-нокъ сто-итъ
До-микъ куо-шеч-ка,
Онъ на всѣхъ ги-дитъ
Въ три-и око-шеч-ка.

— Чудесно!.. вырывается у остановившагося.

Голосъ продолжаетъ:

На одномъ изъ нихъ
За-навѣ-сочка,
А за ней ви-ситъ
Съ пти-и-и-чкой кьѣ-то-чка...

— Опера!

— Что, Гаврюшенька, мечтаешь? обращается въ эту минуту встрѣчный пріятель, чуть ли не самъ Апполонъ Григорьевъ, къ замечтавшемуся.

— Да вотъ заслушался... Опять къ мировому...

— Опять?!

— Опять!

— Уголовный?

— А чортъ его знаетъ! Подъ какой подведетъ...

А дѣвица продолжаетъ свою пѣсню:

Чья-то рручка тамъ
Держитъ ле-и-чку-у
Знать водой па-итъ
Ки-наре-ичку...

— Да какъ дѣло-то было?

— Да зашли мы это съ приказчикомъ, съ Иваномъ Семеновымъ, въ Зоологическій садъ, все обошли честь-честью, какъ полагается...

Облизьянамъ по яблочку пожертвовали... Иванъ Семеновъ льва подразнилъ... Слона погладили...

Дама благотворительную лотарею разыгрываетъ...

— Давай, говоритъ, Иванъ Семеновъ, на наше счастье кинемъ: можетъ, что́ и выиграемъ...

Семь серебра прокидали: резинчатую калошу выиграли...

— Зайдемъ, говоритъ, въ погребокъ, *разгонную* бутылочку выпьемъ.

Зашли...

— А тамъ приказчикъ,—у насъ, говоритъ, хозяинъ фундамѐнтъ перекладалъ, такъ три бутылки нашли, въ стѣнѣ заложены; должно, го-

воритъ, *восемьдесятъ годовъ* лежали... такъ не прикажете ли?

— Давай, говоримъ.

Приноситъ бутылку — *вся въ грязи*...

— Извольте, говоритъ, видѣть, въ какомъ она положеніи.

— Тащи!

Только откупорилъ, вдругъ оттедова живая муха!

Иванъ Семеновъ вскочилъ...

— Ты, говоритъ, честной народъ обманывать?!

— Помилуйте, говоритъ, фундамѐнтъ перекладали... восемьдесятъ годовъ...

— А муха?

— А муха, говоритъ, ничего... потому она *въ спирту живетъ*.

— Ну, натурально: *хлясь*!

Шумъ, крикъ, свистокъ, околоточный...

Протоколъ составили...

Бутылку взяли, насъ записали...

Муху къ дѣлу припечатали...

— Ну, какъ же дѣло теперь?

— Адвокатъ говоритъ, коли ежели, на ваше счастье, муху утеряютъ, такъ оправдаютъ...

А гуазокъ, гуазокъ
Ни-забу-дочка
Для нео-пытныхъ
Зуа-а-я у-у-дочка.

Его оправдали... [21]).

Въ обоихъ разсказахъ предъидущей главы слегка затронутъ судъ, но кромѣ нихъ у Горбунова былъ еще цѣлый рядъ разсказовъ изъ судебнаго міра, изъ которыхъ многіе нигдѣ не записаны. Живые образы обвиняемыхъ, судей, адвокатовъ, свидѣтелей и другихъ лицъ ярко запечатлѣны въ этихъ разсказахъ.

Образцомъ ихъ можетъ служить помѣщаемый разсказъ о *брюкахъ*, украденныхъ съ плеча у торговца старымъ платьемъ.

Разборъ дѣла происходитъ въ залѣ петербургскаго окружнаго суда.

Засѣданіе открыто.

— Господинъ секретарь, прочтите обвинительный актъ, раздается обращеніе предсѣдателя.

Секретарь читаетъ скороговоркой, глотая слова:

— Тысяча восемьсотъ... мѣсяца... числа... на одной изъ деревянныхъ галлерей Александров-

скаго рынка обвиняемый... похитилъ у торговца старымъ платьемъ, потерпѣвшаго Кондратія Ильина... съ плеча продаваемый имъ товаръ— брюки... и, похитивъ, бросился бѣжать... но былъ задержанъ... городовой бляха № 784... представилъ въ участокъ.

— Обвиняемый, признаете ли себя виновнымъ?

— Никакъ нѣтъ.

— Садитесь. Введите свидѣтелей.

— Свидѣтельница Дарья Гаврилова, изложите все, что́ вы знаете по этому дѣлу.

— Никогда я, батюшка, по этимъ мѣстамъ не хаживала... Только мы съ плюмянникомъ товаръ разложили, слышимъ: «Держи, держи!» больше ничего я не знаю...

— Вы хорошенько посмотрите, это ли лицо, похитившее брюки или, можетъ быть, другое?

— А кто-жъ его узнаетъ, батюшка: по галдареѣ ходитъ народъ все *образованный*, гдѣ-жъ намъ ихъ узнать.

— Такъ, значитъ, вы ничего не можете сказать?

— Ничего, батюшка... По галдареѣ народъ ходитъ все образованный...

— Хорошо, садитесь. Потерпѣвшій, Кондратъ Ильинъ, этотъ ли человѣкъ укралъ у васъ продаваемый вами товаръ, брюки?

— А кто-жъ его знаетъ, ваше благородіе...

вотъ товаръ, — и онъ указываетъ на лѣвое плечо, — значитъ, весь на плечѣ... Это, какъ *дергане́тъ*, значитъ... какъ вдарится по галдареѣ... кто-жъ его узнаетъ... какъ *дергане́тъ*...

— Да вы вглядитесь, *онъ*?

— Кто-жъ его, ваше высокоблагородіе, узнаетъ, вѣдь вотъ товаръ-то... значитъ, какъ *дергане́тъ*... какъ...

— Садитесь! Городовой бляха номеръ 784, этотъ ли человѣкъ укралъ у Кондратія Ильина брюки?

— Не могу знать, ваше благородіе. Потому мы стоимъ собственно какъ для безпорядку... Я какъ только смѣнился... крикнули: «держи, держи!» Я сейчасъ и задержалъ и предоставилъ въ участокъ.

— Его?

— Не могу знать, ваше благородіе.

— А не было ли какого поврежденія? спрашиваетъ защитникъ.

— Не могу знать, ваше благородіе... Это онъ, значитъ, упирался; такъ, можетъ, какъ въ участокъ вели, не было ли тутъ *помятія* какого?

— Онъ? продолжаетъ предсѣдатель.

— Не могу знать, ваше благородіе, потому я какъ только смѣнился...

— Садитесь!

Защитникъ съ разстановкой:

— Я желалъ бы еще разъ допросить свидѣтельницу Дарью Гаврилову.

— Свидѣтельница Дарья Гаврилова, скажите пожалуйста, вы башмаками торгуете?

— Башмакамъ, миленькій, башмакамъ.

Предсѣдатель, обращаясь къ защитнику:

— Больше ничего?

— Больше ничего.

— Садитесь!

Свидѣтели опрошены. Слѣдуетъ обвинительная рѣчь:

— Господа присяжные засѣдатели! Въ данномъ случаѣ миссія моя не сложна. По мѣткому выраженію свидѣтельницы Дарьи Гавриловой, по галлереѣ Александровскаго рынка ходитъ народъ все *образованный*... Такъ вотъ-съ, одинъ изъ этихъ «образованныхъ людей» похитилъ у торговца старымъ платьемъ, потерпѣвшаго Кондратія Ильина, продаваемый имъ товаръ, брюки, и, похитивъ, бросился бѣжать... но былъ задержанъ и т. д. А потому, на основаніи статьи... и примѣчанія къ статьѣ...

Рѣчь защитника:

— Мы укрылись въ крѣпкую цитадель, куда не долетаютъ выстрѣлы господина прокурора: они лопаются у ея стѣнъ и не причиняютъ намъ ни малѣйшаго вреда...

— Мы обвинямеся въ томъ, что похитили съ плеча брюки у торговца старымъ платьемъ Кон-

дратія Ильина. Но гдѣ же, мм. гг., эти брюки? Ихъ нѣтъ на столѣ вещественныхъ доказательствъ...

— Великая Екатерина сказала: лучше оправдать десять виновныхъ, чѣмъ обвинить одного невиннаго, а потому я полагаю...

Присяжные удаляются въ совѣщательную комнату. Старшина опрашиваетъ мнѣнія.

— Вамъ что́ угодно сказать?

— Нѣтъ, не виновенъ.

— Вамъ что́ угодно?

— По-моему, не виновенъ.

— Вамъ?

— Извините, я въ первый разъ...

— Вамъ что́ угодно?

— По-моему, *виновенъ*: сейчасъ, къ примѣру, пять часовъ, а если мы его выпустимъ, то въ восемь часовъ онъ на чердакъ за бѣльемъ полѣзетъ...

— Судъ идетъ, прошу встать!

Присяжные выносятъ оправдательный приговоръ.

Предсѣдатель, распахивая сюртукъ и отдуваясь, обращается къ обвиняемому:

— Вы свободны, можете идти!

Тотъ низко кланяется и молча садится на свое мѣсто.

Адвокатъ съ радостнымъ лицомъ:

—Вы свободны!

Поклонъ.

Молчаніе...

Жандармъ, вкладывая со свистомъ шашку въ ножны, басомъ:

— Свободенъ... Пшелъ вонъ... ступай.

Глубокій поклонъ...

Молчаніе...

За рѣшеткой два купца разговариваютъ:

— Что же онъ не идетъ? Его оправдали...

— Да онъ и не пойде-е-тъ.

— А что?

— Да ему оттедова таперь уйтить нельзя... его оттедова таперь *клещами* не вытащишь, онъ таперь до утра просидитъ... Вотъ хозяинъ ходитъ, дожидается...

— Потому онъ сейчасъ *въ своныхъ брюкахъ и сидитъ...* [22]).

Въ другомъ разсказѣ, также затрогивающемъ судъ, изображаются мытарства нѣкоего мѣщанина, привлеченнаго по весьма серьезному дѣлу. Разсказъ открывается картиной въ Аккерманѣ: толпа рабочихъ вколачиваетъ сваи и поетъ. Тутъ же стоитъ какой-то встрепанный человѣкъ съ рѣденькой бородкой, оборванный и тоже дергаетъ съ прочими за веревку.

Проходитъ начальство:

— Ты что́ за человѣкъ?

— Сваи бьемъ-съ, лепечетъ онъ.

— Паспортъ!!.

— П... п...

— Квартира гдѣ?

— Т... тамъ...

Его забираютъ... и съ этой минуты начинается рядъ мытарствъ. Возятъ его по всѣмъ городамъ, вездѣ онъ болѣетъ, но такое даровое содержаніе ему очень пріятно и онъ передъ самымъ отпускомъ рѣшается продлить его.

Онъ неожиданно объявляетъ:

— Я полистическій...

И ему поспѣшно подставляютъ стулъ съ предложеніемъ:

— Садитесь!

Въ виду такого оборота дѣла Конъ Никоновъ попадаетъ въ Петербургъ и требуетъ прокурора.

Прокуроръ, еще молодой человѣкъ изъ правовѣдовъ, съ портфелемъ подъ мышкой, является, но Конъ Никоновъ не вѣритъ и, въ виду молодости вошедшаго, думаетъ, что это «сынъ прокурора».

Съ таинственнымъ мѣщаниномъ начинаютъ обходиться очень внимательно, стараясь узнать что-нибудь, но онъ остается нѣмъ.

Наконецъ, посылаютъ въ камеру священника, который долго сидитъ съ глазу-на-глазъ, послѣ чего, на поспѣшный вопросъ у дверей:

— Ну, что̀, батюшка?

Отвѣчаетъ:

— Птица!.. Держи да держи, а то и одинъ хвостъ въ рукахъ останется... Это сфинксъ какой-то...

Но на вопросъ, что̀ онъ говорилъ, отнѣкивается:

— Не могу, не могу...

Наконецъ, выяснилось, что это вовсе не астраханскій мѣщанинъ, а кронштадтскій мѣщанинъ, и не политическій преступникъ, а свидѣтель по преступленію. Тѣмъ не менѣе его показанія должны были быть очень существенными и едва ли не рѣшающими.

Помнится, что именно онъ на судѣ, на предложеніе предсѣдателя:

— Изложите суду въ сжатомъ и краткомъ разсказѣ все, что̀ вы знаете по этому дѣлу...

И далѣе, на вопросъ:

— Или, можетъ быть, вы желаете быть подвергнуты перекрестному допросу?

Конъ Никоновъ долго мнется и наконецъ отвѣчаетъ послѣ продолжительнаго молчанія, въ теченіе котораго вниманіе присутствующихъ возрастаетъ до послѣдней степени:

— Ваше сіятельство... я человѣкъ... *пьяный*!.. [23]).

ДОМАШНЯЯ
БИБЛИОТЕКА
УЛИТИНА
Алексея Викторовн

Общественная жизнь привлекала вниманіе Горбунова и въ другихъ сторонахъ своихъ. Нравы «Общества прикосновенія къ чужой собственности», споры членовъ его о *вдовьихъ и сиротскихъ слезахъ*, о *реальной почвѣ* и *области поэзіи* памятны всѣмъ слышавшимъ этотъ разсказъ. Не буду повторять его, такъ какъ онъ существуетъ и въ печати, въ редакціи самого автора, помѣстившаго его въ одномъ изъ повременныхъ изданій.

Вспоминаю другой разсказъ подъ заглавіемъ «Земское собраніе», на засѣданіи котораго обсуждается вопросъ о прибавкѣ жалованья уѣздной полиціи и привожу его, въ виду нѣкоторой разницы редакціи, какъ онъ запомнился. [24]).

Предсѣдатель ставитъ на очередь слѣдующій вопросъ:

— О прибавкѣ... становымъ приставамъ жалованья въ размѣрѣ не свыше двадцати пяти рублей.

— Имѣетъ ли кто возразить?

Крупный землевладѣлецъ небрежно бросаетъ:

— Это по той же прерогативѣ, какъ было сдѣлано въ Казани?

— Да, по той же.

— Я согласенъ.

Гласный изъ купцовъ:

— Что-жъ... ежели дѣйствительно имъ въ томъ надобность, то можно безъ сумленія, потому при нашемъ капиталѣ это дѣло возможное...

Священникъ, съ выговоромъ на *о*, не разслышавъ что́ обсуждается:

— *О* чемъ рѣчь?

— О прибавкѣ.

— Кому?

— Становымъ приставамъ.

— Позвольте, г-нъ предсѣдатель, въ такомъ случаѣ и мнѣ *отрынуть* слово... Своевременно полагаю возбудить вопросъ... Діаконъ... одиннадцать душъ дѣтей... женскаго пола... свояченица... уповательно, что...

Предсѣдатель, перебивая:

Да вѣдь это... не относится къ настоящему дѣлу...

Въ эту минуту входитъ кто-то и предсѣдатель къ нему обращается:

— Ваше превосходительство, пожалуйте...

Предсѣдатель продолжаетъ:

— Вопросъ идетъ о прибавкѣ становымъ

приставамъ жалованья въ размѣрѣ не свыше двадцати пяти рублей...

— То-есть позвольте, господинъ предсѣдатель, какъ же не относится: одиннадцать душъ дѣтей... женска-о пола... *достойнѣйшій*...

— Все-таки не относится.

— Прошу занести въ протоколъ.

Потомъ секретарь подходитъ къ предсѣдателю и шепчетъ ему что-то, на что́ тотъ отвѣчаетъ нетерпѣливо:

— Да, знаю, знаю...

Предсѣдатель, обращаясь къ одному изъ гласныхъ.

— Что́ вы хотѣли сказать?

Тотъ:

— Я... ничего...

Потомъ еще кто-то говоритъ, но слышны только отрывочные звуки:

— Ихъ превосходительство... Лявонтій Борисычъ...

Потомъ неожиданно раздается отдѣльное мнѣніе одного изъ гласныхъ, не помню только въ какомъ именно мѣстѣ перебивающаго ходъ преній:

— *Намъ школъ не надо*...

Гласный изъ Петербурга, брезгливо осматриваясь и играя цѣпочкой часовъ, говоритъ, съ особенной гримасой рта, цѣлую рѣчь:

— Милостивые Государи! Я поуа-а-гаю...

по моему мнѣ-ѣ-нію... господинъ становой приставъ, какъ индиви-и-дуумъ, какъ полицейская еди-ни-и-ца... Я поуāгāю...

Одинъ изъ гласныхъ перебиваетъ:

— Да что вы заладили одно и то же! Ассигновать или отказать?

— Господинъ предсѣдатель, я попросилъ бы пригласить... э-э-э... не перебивать теченіе моихъ мыслей и и нап-о-о-мнить господамъ гуаснымъ свои обязанности... Я продолжа-а-ю, я говорю... Господинъ становой приставъ, какъ полицейская едини-ица... Наконецъ, эта сумма... по своей кол-л-и-и-чественности... такъ ничто-о-о-ожна, такъ минимальна, что врядъ ли ее кто-нибудь изъ господъ становыхъ приставовъ... и возьме-е-етъ?..

Гласный отъ крестьянъ порывисто вскакиваетъ:

— Батюшка!.. Становой?! Становой возьметъ... Становой *все* возьметъ!! [25]).

Вотъ нѣсколько сценъ изъ крестьянскаго быта.

Пріемъ у врача. Является мельникъ. Оказывается, что у него ломота въ поясницѣ, а кромѣ того, по его собственному увѣренію, у него *сердце чешется*. Онъ надорвался, подымая тяжесть.

— Хозяинъ приказываетъ: ребята, поды-

майте жерновъ... Охъ!.. схватывается онъ за поясницу.

— Вотъ тебѣ трава, говоритъ докторъ. Ты ее вскипяти, перелей въ бутылку, да и пей!

— Траву? нерѣшительно спрашиваетъ работникъ.

— Да, траву... Только смотри, чтобы въ бутылкѣ чего не было посторонняго, купороснаго масла, или дряни какой тамъ. Понялъ?

— Понялъ.

На другой день мельникъ приходитъ справляться, въ какую бутылку перелить вскипяченную траву, «съ купороснымъ масломъ, али безъ него?..»

Затѣмъ является старуха:

— Что́ у тебя болитъ? спрашиваетъ докторъ.

— *Всѣмъ невредима*, всхлипываетъ женщина, подперши подбородокъ правой рукой... Мястами, батюшка, мястами... Гдѣ болитъ, гдѣ подживаетъ... У меня, такъ будемъ говорить, *утинъ* стоитъ... Онъ не бьетъ тебя, не ломаетъ, а такъ стоитъ...

Приносятъ младенца полѣчить, очень плохъ, ужъ и такъ и этакъ пробовали и «золой поили» и яичко давали съ толченымъ кирпичикомъ, «солдатъ приказывалъ», да толку не выходило.

Пробуетъ свои силы по части лѣченія народа и жена врача, занимающаяся въ деревнѣ гомеопатіей.

Быку она давала «аписъ».

Приходитъ кучеръ.

— У тебя лихор-радка?

— Никакъ нѣтъ-съ!

— Нѣтъ, это ты нарочно, у тебя навѣрное лихор-р-адка... Вотъ тебѣ пузыречекъ... аррсеникумъ... трридцатое дѣленіе...

На другой день оказывается, что кучеръ проглотилъ все данное ему и дама въ ужасѣ:

— Ахъ, Боже мой, онъ отрравился, кидается она къ мужу [26]).

Разсказы Горбунова изъ крестьянскаго быта всѣ напечатаны и я не буду на нихъ останавливаться, припомню только немногіе, напримѣръ, сцену на большой дорогѣ, глубоко поэтичную...

Ночь...

Тянется обозъ съ сѣномъ. На одномъ лежитъ парень и поетъ:

Ахъ ты, воля, моя воля...

— Пятрунька, съ Москвы, что ли? спрашиваетъ вдругъ кто-то съ встрѣчнаго воза и ѣдетъ мимо.

Парень снова продолжаетъ свою пѣсню, но когда онъ особенно распѣлся и при словахъ:

Я тогда буду дово-о-ленъ...

слѣдующій встрѣчный, также на возу, вдругъ неожиданно молча, съ размаху, стегаетъ его кнутомъ.

Первую минуту огорошенный и пораженный парень только чешетъ спину, а потомъ снова продолжаетъ:

Кали я тѣ ни па ндраву
Вазьми въ ручку писталетъ,
Прастрѣли себѣ галовку...

И только уже послѣ окончанія пѣсни онъ начинаетъ злобно грозить кулакомъ назадъ и кричитъ въ догонку озорнику:

— Чё-ё-ртъ, л-ѣ-ѣ-шай, сквозь полушу-убокъ прохвати-и-лъ...

Конечно, сцена эта безъ звуковъ пѣсни не передаваема... [27]).

Приведу еще отрывокъ изъ разсказа „Безотвѣтный", не вошедшій въ этомъ видѣ въ собраніе сочиненій.

Крестьянинъ, страстно любящій природу, поэтъ въ душѣ, дѣлится восторженно своими впечатлѣніями съ другимъ крестьяниномъ.

— Ты скажи мнѣ... Калина Митричъ... отчего я такъ много... доволенъ?

— Можа выпилъ?

— Четвертушечку... Нѣтъ, ты скажи мнѣ, Калина Митричъ, отчего я такъ много *дово-о-*

ленъ?.. Оттого я такъ много доволенъ, что хорошій я оченно человѣкъ. Такой я хорошій человѣкъ — по всей деревнѣ и людей такихъ нѣтъ! Чая я не пью...

— А стаканчикъ?

— Впервой отъ роду. Силкомъ влили!.. Оттого я такъ много доволенъ, что я всѣхъ люблю!.. Въ лѣсу чтобы мнѣ ночью, первое это мое удовольствіе!..

Мать ты моя родная, какъ я лѣсъ люблю... А особливо это въ грозу...

Какъ пойдетъ это гроза... сосны съ корнями *вывора-а-а-чивать*, а опосля того *духъ* это... по всему лѣсу... И *птица* разная... на *разные* голоса!

Меня и пчела не кусаетъ... А какъ меня рыба уважаетъ!.. Какъ она меня уважаетъ!

Но только за мою эту охоту великое мнѣ наказаніе было. И какъ это, Калина Митричъ, обидно...

Сижу это я разъ въ оврагѣ, пѣночку наманиваю: фію... фію... а сзади откуда ни возьмись двое:

— Какой ты есть человѣкъ? По какому случаю?

— Я, говорю, пѣночку наманиваю.

— Что съ тобой разговаривать... Сейчасъ руки назадъ къ лопаткамъ скрутили, поволокли къ становому.

— Помилуйте, говорю, я ни въ чемъ не причиненъ...

— Ахъ, Калина Митричъ, какъ это мнѣ обидно!..

Вышелъ становой и сейчасъ меня обыскивать.

— Сознавайся, говоритъ, тебѣ легче будитъ: ты фальшивую монету дѣлалъ?

— Никакъ нѣтъ, говорю.

— За что́ вы его, ребята, взяли?

— Не можемъ, говорятъ, знать: въ оврагѣ сидитъ и взяли.

— Зачѣмъ ты, говоритъ, въ оврагѣ сидѣлъ?

— Я говорю, ваше благородіе, *пѣночку наманивалъ*...

— Вотъ тебѣ, говоритъ, двугривенный, ступай на всѣ четыре стороны..

— Вѣришь ты Богу, Калина Митричъ, какъ это мнѣ обидно!

— Иду мимо церквы, дай, думаю, двугривенный въ кружку опущу... Только протянулъ руку... а они опять какъ подойдутъ:

— Ты, говорятъ, кружки ломать?!

Опять руки къ лопаткамъ скрутили...

— Помилуйте... Я въ кружку хотѣлъ опустить.

— А ну-ка, покажи!

Взяли двугривенный.

Ушли... [28]).

Поэтичный разсказъ «Лѣсъ», особенно нравившійся Тургеневу, по словамъ самого Горбунова, разсказывался съ необыкновенной любовью и производилъ чарующее впечатлѣніе.

— Лѣсъ, Лѣсъ... разскажите «Лѣсъ», часто обращались къ Горбунову его слушатели и онъ, какъ волшебникъ, приковывая всеобщее внимаціе, вдругъ переносилъ воображеніе на лѣсную луговину къ горящему костру, и ясно чудилась ночная тьма, и вспыхивающій огонь, и взлетающія кверху искры, и виднѣлись около огня люди, занятые подкладываніемъ хвороста, и слышалась ихъ тихая бесѣда:

— Ночь-то какая!.. Тихо!..

— Тихо!..

— Время чудесное!.. Эко, братцы, это *лѣсъ*!.. Чего въ ёмъ нѣту: и трава всякая, и птица разная!

— Божье произволенье!..

— И кладъ, ежели когда попадется — все

въ лѣсу... Что за причина, братцы: тетка Арина девять зорь ходила за кладомъ. Станетъ копать—все уходитъ; пойдетъ домой — опять покажется. Такъ и не дался.

— Брать, значитъ, не умѣла!..

Наступаетъ молчаніе.

— Соловьи-то пѣть перестали. Оченно я люблю, коли ежели когда соловей поетъ.

— Синица лучше.

— Гдѣ-жъ синицѣ!.. Синицѣ супротивъ соловья не сдѣлать.

— Сдѣ-ѣ-лаетъ...

— Невозможно!.. Да ты соловьевъ-то слыхалъ ли?

— Гдѣ слыхать! У насъ ихъ на мельницѣ тьма тьмущая, и домики такіе для нихъ понадѣланы.

— Это скворцы!..

— То бишь скворцы... Все одно, и скворцы поютъ.

— Соловей, ежели теперича, когда пѣть ему, онъ сейчасъ: фіу, фіу...

Въ эту минуту вдали раздается свистъ.

— Чего свистишь - то! укоризненно обращается другой, прислушиваясь къ звукамъ, раздавшимся изъ лѣсу.

— А что?

— Погоди!.. молчи!.. останавливаетъ онъ и всѣ внимательно прислушиваются.

Свистъ раздается снова.

Всѣ молчатъ и чувствуется что-то неладное. Всѣмъ не по себѣ, видимо вструхнули.

— Разгуляться вышелъ, таинственно заявляетъ тотъ, который видѣлъ соловьевъ въ скворешникахъ.

— Кто? спрашиваетъ другой.

— Кто? Извѣстно *кто*...

— Теперича, ежели табунъ гдѣ близко, весь табунъ угонитъ.

— Ничего, стороной пройдетъ.

— Да что вы, черти, это сычъ.

— Похожа!

— А то нѣтъ... Эхъ, вы!..

— Коли свиститъ — ничего, а иной разъ ровно малое дитя плачетъ... какъ есть ребенокъ.

— У насъ лѣтось подъ самый Успленьевъ день весь табунъ угналъ.

— Ну, ври подъ пятницу-то!

Къ сидящимъ у огня подходитъ лѣсникъ. Его тотчасъ встрѣчаютъ извѣстіемъ:

— *Самъ* сейчасъ откликался

Съ подошедшимъ завязывается разговоръ о лѣшихъ, общій видъ которыхъ въ представленіи многихъ такой: *одна ноздря, а спины нѣтъ.*

— А мнѣ, братцы, дворянинъ въ Калугѣ сказывалъ про лѣсовиковъ-то, разсказываетъ одинъ изъ сидящихъ у костра, ты, говоритъ,

ничему этому не вѣрь: никакихъ лѣсовиковъ нѣтъ, это такъ зря болтаютъ.

Но это рѣшительное заявленіе возмущаетъ всѣхъ, а въ особенности лѣсника.

— Много знаетъ твой дворянинъ-то!

Увѣровавшій въ слова болѣе просвѣщеннаго человѣка продолжаетъ сомнѣваться:

— Ни лѣсовиковъ этихъ самыхъ, ни вѣдьмовъ—ничего, говоритъ, этого нѣтъ.

— Посадилъ бы я его ночи на двѣ въ сторожку, такъ онъ узналъ бы, какъ ихъ нѣтъ-то. Вотъ темныя ночи пойдутъ осенью, пущай посидитъ. Нѣту!.. съ презрительной усмѣшкой продолжаетъ этотъ, очевидно, знатокъ лѣсной жизни и, чтобы отогнать всякое сомнѣніе, вспоминаетъ бывшій съ нимъ случай.

— Да вотъ какъ разъ трафилось, слушай. Знаешь Лапинскій оврагъ? Мы тамъ рошшу караулили... Дѣло близъ Покрова было. Объ эту пору ночи темныя бываютъ... Дожди пошли... Холодно... Смерть!.. Спимъ это мы... Часу въ двѣнадцатомъ, слышу, братецъ мой, словно кто около сторожки ходитъ. Походилъ, походилъ — пересталъ. Орелка была у насъ собака, просто, бывало, отца родного не подпуститъ... волка разъ затеребила... Орелка раза два тявкнула, замолчала. Думаю, должно, вѣтеръ. Только опять легъ, какъ Орелка завизжитъ, какъ завоетъ,

вотъ надо бы кто ей задъ отшибъ. Такъ индо меня морозъ по кожѣ! Мартынъ проснулся.

— Выдь, говоритъ, посмотри.

Орелка прижалась къ косяку, сидитъ... Слышу, братецъ ты мой, около самой сторожки лошадь заржала... Такъ у меня волосья на головѣ поднялись...

— Дядя Мартынъ, говорю, у сторожки лошадь ржетъ, должно, за́ лѣсомъ пріѣхали.

Заругался Мартынъ—мужикъ былъ хворый, сердит*а*й:

— Убью, говоритъ, до смерти, кто попадется.

— Слышь, говорю, дя-я Мартынъ.

— Слышу, говоритъ... убью сейчасъ!..

Побѣжали мы...

Сталъ я Орелку уськать—не лаетъ, идетъ сзади. Что думаю за причина! Далъ раза́ въ бокъ,—только заскучала.

Съ полверсты мы прошли: топоръ близко, а на слѣдъ не попадемъ, потому темно.

Шли, шли... рядомъ шли...

— Дя-я Мартынъ, говорю...

Дя-я Мартынъ голосу своего не подаетъ. Что за оказія.

— Дя-я Мартынъ...

Слышу Мартынъ *дале-е-че* вправо остался.

Я вправо взялъ, опять крикнулъ:

— Дя-я Мартынъ!..

А дя-я Мартынъ *дале-е-че* влѣво.

А топориша тяпъ да тяпъ... Завернулъ я къ нему на голосъ-то, сталъ Орелку кликать, и Орелка пропала!.. Ну, думаю: пущай всю рошшу вырубятъ—пойду домой, потому страшно ужъ оченно стало, опять же и ознобъ... такъ продрогъ... смерть! Повернулъ назадъ, пошелъ. Иду да и думаю:

— *Самъ* не балуетъ ли?..

Только это, братецъ, я подумалъ, какъ по всему-то лѣсу:

— *Ого-го-го-го*!!!

Отродясь такого крику не слыхивалъ. Такъ у меня руки-ноги подкосились. Хочу крестъ на себя наложить — рученьки мои не владаютъ! Очувствовался—не знаю, куда идти.

— Батюшка, говорю, Серапіонъ-угодникъ, выручи!!.

Сотворилъ молитву, легче стало. Къ свѣту ужъ домой-то пришелъ: за пять верстъ онъ меня отъ сторожки угналъ, да въ самое бучило, въ оврагъ завелъ.

Ну, думаю: какъ приду домой, этого самаго дядю Мартына на части разорву.

Сталъ ему выговаривать, а онъ говоритъ:

— Ты, надо полагать, въ умѣ рехнумши. Я, говоритъ, всю ночь изъ избы-то не выходилъ.

Шесть недѣль опосля того я выхворалъ, всѣ волосья повылѣзли. Сама енеральша Паль-

чикова лѣчила, корочки съ наговоромъ давала, ничего не дѣйствовало.

Такъ вотъ, какъ *ихъ* нѣтъ-то.

Можетъ, дворянина-то онъ не трогаетъ, а нашему брату отъ его *шибко* достается... [29]).

Горбуновъ былъ страстнымъ охотникомъ, подобно С. Т. Аксакову, И. С. Тургеневу, Н. А. Некрасову и графу Л. Н. Толстому и его разсказы изъ охотничьей жизни полны поэзіи и правды. Здѣсь находилъ онъ также благодарный матеріалъ для своего таланта, смѣясь надъ многочисленными столичными жителями, отправляющимися на охоту, какъ на увеселительную прогулку.

Описывая одно подобное охотничье общество, Горбуновъ справедливо говорилъ, что изъ такихъ охотниковъ «нѣтъ ни одного, который бы въ холодную осень окунулся въ воду, доставая убитую птицу; который бы въ палящій зной безъ воды, безъ пищи оставался цѣлый день въ болотѣ для того, чтобы положить въ сумку двѣ пары бекасовъ; который бы изнурялъ себя, бродя въ лѣсу по ломамъ, по корягамъ, отыскивая тетеревиный выводокъ; который бы въ грозу, въ ливень, промокшій до костей,

пробирался спокойно по изрытому сохой грунту, чтобы принять ночлегъ въ лѣсу, въ наскоро сдѣланномъ изъ листьевъ шалашѣ».

Приведу отрывокъ изъ разсказа «Медвѣдь», который иногда Горбуновъ въ отрывочномъ видѣ разсказывалъ, чередуя со своими охотничьими воспоминаніями.

Общество, выведенное въ этомъ разсказѣ, далеко не принадлежало къ только-что описанному типу охотниковъ.

Здѣсь встрѣчается полковникъ, впрочемъ, «совсѣмъ штадскій человѣкъ», но прозванный такъ «за его солидную фигуру и за необыкновенную способность кричать и браниться безъ всякой злобы, такъ что мужики замѣчали, что «шибче полковника никому не изругаться; такъ обложитъ, лучше требовать нельзя».

Затѣмъ молодой человѣкъ въ изящномъ полушубкѣ, съ кавказскимъ поясомъ, почувствовавшій неожиданно зубную боль, когда услыхалъ отъ одного изъ крестьянъ, что должно быть медвѣдица съ медвѣжатами лежитъ на чистомъ мѣстѣ и пожалуй «потрепать» можетъ.

Третій охотникъ былъ одѣтъ черкесомъ въ буркѣ и бараньей шапкѣ.

Онъ весь обвѣшанъ былъ ремнями,
Желѣзомъ ржавымъ и кремнями,
На поясѣ широкій ножъ...

Онъ вралъ отъ самаго Петербурга до того,

что разсказалъ, какъ убилъ однажды медвѣдя изъ пистолета и другіе имъ подобные господа.

Не буду передавать всего содержанія разсказа, открывающагося удивительнымъ разговоромъ между мужикомъ-обкладчикомъ, пріѣхавшимъ въ Петербургъ извѣстить, что медвѣдя обложили и лакеемъ, пренебрежительно отозвавшемся о дѣятельности мужика, на что̀ получилъ вполнѣ достойный отвѣтъ:

— Ты понимать нашего дѣла не можешь, потому твое дѣло больше у тарелки...

Вотъ въ короткихъ словахъ его содержаніе.

Медвѣдь сначала легъ на чужой землѣ у Пищалинскихъ крестьянъ, но послѣ перешелъ на другое мѣсто, и Пищалинскіе мужики хотятъ доказать, что «съ нашей межи перегнали», на что̀, впрочемъ, имѣется сильное возраженіе съ противной стороны: «вольный звѣрь, не по пачпорту ходитъ — гдѣ захотѣлъ, тамъ и легъ, запрету ему нигдѣ нѣтъ...»

Главное лицо во всей охотѣ это обкладчикъ, безъ котораго состояться не можетъ не только самая обкладка, но и вообще весь порядокъ охоты. Все значеніе этого лица для подобныхъ охотниковъ ясно выражено у Горбунова въ слѣдующихъ словахъ:

— Обложилъ ты его, народъ сколотилъ, господъ поставилъ... бухъ! Честь имѣемъ поздравить! И вѣдмедю хорошо, и господамъ лестно,

и самъ ты, примѣрно... и народъ тобой доволенъ!..

Перенесемся въ деревню въ минуту выступленія на кругъ.

...На улицѣ толпа. Мужики, бабы, одна съ груднымъ ребенкомъ, дѣвки, мальчишки, съ дубинками, съ хворостинками, съ палками, съ ружьями, въ рваныхъ полушубкахъ, въ кафтанишкахъ, въ сапогахъ, въ валенкахъ стоятъ смирно. Одинъ мужичекъ заряжаетъ ружье, перевязанное около курка веревкой, выдергивая изъ шапки паклю для пыжа...

Вышедшіе охотники здороваются съ толпой и тутъ происходитъ удивительная сцена съ той изъ бабъ, которая съ груднымъ младенцемъ на рукахъ.

— Это что́ такое? обращается полковникъ, увидѣвъ ребенка.

Кто-то изъ загонщиковъ отвѣчаетъ за бабу.

— Бабеночка, сударь, наша...

— Что-жъ, она съ ребенкомъ въ лѣсъ пойдетъ? спрашиваетъ полковникъ, на что́ ему объясняютъ:

— Мужъ, сударь, у ей замерзъ, такъ, значитъ, кормится... въ чужихъ людяхъ живетъ.

И сама баба покорно соглашается съ этимъ заявленіемъ и робко говоритъ:

— Ничего, сударь, мы привычные...

Наконецъ загонъ и охотники тронулись. Но вотъ подлинное описаніе охоты:

..Охотники подъѣхали къ густому лѣсу и стали на просѣкѣ. Видно было, какъ вереницей тянулись по поясъ по рыхлому снѣгу бабы, прокладывая путь сзади ѣдущимъ Пищалинскимъ мужикамъ:

— Что-же это они, черти, бабъ-то впередъ пустили? замѣтилъ кто-то изъ охотниковъ и получилъ отвѣтъ:

— Потому, сударь, баба завсегда помягче, потяжеле мужика, проминать ей дорогу способнѣе...

Вынули нумера и пошли всѣ въ непроницаемую чащу лѣса, задѣвая и отряхивая пушистый снѣгъ съ густыхъ вѣтвей сосенъ. Полковника вели двое подъ руки. Вышли на поляну.

— Первый нумеръ? спросилъ шопотомъ Кузьма.

— Мой, отвѣтилъ молодой человѣкъ въ изящномъ полушубкѣ.

— Пожалуйте тутъ.

Пошли дальше.

— Второй нумеръ?

— Я, отвѣчалъ мрачно черкесъ.

— Извольте тутъ становиться.

Третьимъ нумеромъ сталъ полковникъ, четвертымъ какой-то господинъ въ очкахъ, никогда

не бывавшій на охотѣ и не имѣющій о ней никакого понятія, пятымъ—неизвѣстно кто...

Охотники стояли другъ отъ друга на разстояніи сорока шаговъ. Тѣлохранители сзади, то присѣдая, то выпрямляясь, слѣдили за малѣйшимъ движеніемъ каждаго прутика.

Тихо...

Молодой человѣкъ въ изящномъ полушубкѣ любовался своимъ новенькимъ штуцеромъ, обтирая батистовымъ платкомъ его стволы.

Черкесъ пилъ водку изъ фляжки и дѣлалъ соображенія на случай непріятнаго столкновенія съ жильцомъ сосноваго лѣса.

Полковникъ прислонился къ дереву и осматривалъ мѣстность.

Господинъ въ очкахъ безучастно смотрѣлъ на все окружающее и разъ только полюбопытствовалъ узнать отъ мужика:

— На заднихъ лапахъ выходитъ медвѣдь, или просто?

— Всячески, отвѣчалъ мужикъ: какъ ему лучше, бываетъ—и на лапы подымается.

Надъ головами охотниковъ пронеслась стая птицъ.

Изъ-за лѣса послышался собачій лай.

Выстрѣлъ!..

И мертвая тишина сосноваго бора смѣнилась нескладнымъ, безобразнымъ крикомъ за-

гонщиковъ. Всѣ схватились за ружья; тѣлохранители попятились назадъ.

Кричатъ...

Съ притаеннымъ дыханіемъ всѣ смотрятъ впередъ. Черкесъ сбросилъ съ себя бурку.

— Ваше сіятельство, подайтесь маленько, способнѣе будетъ, сказалъ мужикъ полковнику, взявши его за руку и передвигая съ мѣста.

Полковникъ молча повиновался.

Мужики, стоящіе около молодого человѣка, держали рогатины наперевѣсъ. Самъ онъ, блѣдный, безпокойно глядѣлъ впередъ.

Господинъ въ очкахъ стоялъ до наивности храбро. Казалось, что ему схватиться съ звѣремъ — дѣло за обычай.

Миронъ всталъ на пень и тупо глядѣлъ на линію охотниковъ.

Кричатъ...

Черкесъ поминутно вскидываетъ ружье. Вотъ онъ присѣлъ и прицѣлился. Всѣ встрепенулись. Полковникъ взялъ быстро на-прицѣлъ. Оказалось: фальшивая тревога.

— Баловники! сказалъ тѣлохранитель.

Крикъ на лѣвой сторонѣ усилился. Ужъ ясно слышатся слова:

— Аяяй! Береги, береги!.. У-ту-ту!.. Идетъ, идетъ... Батюшки, береги! Кричи, кричи...

Лай собачій превратился въ отчаянный визгъ, и на полянѣ, въ виду всѣхъ охотниковъ, по-

казался во всей своей красотѣ большой бурый медвѣдь.

Тафъ! тафъ! тафъ! раздались глухіе выстрѣлы.

Медвѣдь мгновенно повернулъ и скрылся въ чупыгѣ.

Тафъ, тафъ! отсалютовалъ ему вслѣдъ черкесъ.

Господинъ въ очкахъ выстрѣлилъ два раза въ воздухъ.

Пятый нумеръ закричалъ:

— Тиро!

Полковникъ былъ убѣжденъ, что онъ медвѣдя ранилъ: ему показалось, что медвѣдь перевернулся. Черкесъ былъ убѣжденъ, что онъ медвѣдя убилъ, потому что послѣ его выстрѣла медвѣдь привскочилъ. Но ни того, ни другого не совершилось: не перевертывался медвѣдь и не привскакивалъ, а просто цѣлымъ и невредимымъ вышелъ изъ-подъ выстрѣловъ.

Полковникъ начиналъ сердиться; ему казалось, что лѣвая сторона кричитъ слабо.

— Что у васъ, чертей проклятыхъ, лѣвое крыло спитъ! Эки анаѳемы! Убью! закричалъ онъ на весь лѣсъ.

— Сударь, что же это вы кричите. Вы вѣдмедя сбиваете, замѣтилъ ему тѣлохранитель: онъ долженъ опять выйти.

Медвѣдь, между тѣмъ, метался по лѣсу изъ

стороны въ сторону, стараясь прорвать цѣпь загонщиковъ. Вотще! Загонщики стояли кучно и кричали немилосердно. Звѣрь рѣшился на отчаянное средство: онъ бросился на загонщиковъ, повалилъ бабу и вырвался на полную волю съ правомъ лечь въ новую берлогу и дожидаться новаго обрѣтенія, новой депеши, по которой будутъ вызваны болѣе умѣлые охотники, которые влѣпятъ ему пулю подъ самую лопатку и украсятъ его чучелой кабинетъ, или парадную лѣстницу...

Хотя крикъ замѣтно смолкалъ, чувствовалось, что медвѣдь изъ круга вышелъ, но полковникъ не хотѣлъ этому вѣрить. Онъ послалъ Мирона подбодрить загонщиковъ. Крикъ приближался. Уже изъ лѣсу слышался разговоръ. Вотъ изъ чащи показалась пара лаптей... вонъ мальчишка вышелъ съ разстегнутымъ воротомъ, вонъ баба... а вотъ и Кузьма съ Мирономъ.

— Что же ты, долговязый чортъ, набросился на него полковникъ: чего смотрѣлъ?

— Что дѣлать, сударь! За хвостъ его не ухватишь, отвѣчалъ уныло Кузьма.

— За хвостъ! Тебя за бороду надо!

— Воля милости вашей, какъ угодно, а что вѣдмедя дѣйствительно выставили...

— А онъ куда ушелъ? спросилъ господинъ въ очкахъ.

— Да вѣдь Богъ его знаетъ, отвѣчалъ неохотно Кузьма.

— Онъ теперича бѣжитъ... Онъ теперича... съ нимъ теперича *ничего* не сдѣлаешь. Хошъ на лошади — его никакъ невозможно... пояснилъ Миронъ.

На полянѣ разсуждали вышедшіе изъ лѣсу загонщики.

— Ужъ какъ старались—страсть!

— Мы въ кругу были. Онъ какъ прыснетъ, да влѣво и ударился... Ударился онъ влѣво, а мы...

— Онъ мимо меня два раза пробѣгъ.

— Снѣгу сколько я наглотался, — полонъ ротъ!

— Какой звѣрища-то здоровенный!

— Да, этакой подберетъ подъ себя—пить запросишь.

— Такъ озябъ, пропади эта охота совсѣмъ. Ноги такъ задервенѣли—на печь, пожалуй, не влѣзешь.

Молодой человѣкъ въ изящномъ полушубкѣ пошелъ въ лѣсъ, думая найти убитаго медвѣдя. Выстрѣлилъ тамъ два раза въ дерево и опять вышелъ на поляну.

Всѣ поѣхали обратно. Черкесъ, при въѣздѣ въ деревню, убилъ въ упоръ пѣтуха, промолвивъ:

— Тебѣ этого, что-ль, хотѣлось? [39]).

Послѣдніе годы И. Ѳ. вовсе пересталъ ѣздить на охоту. Не такъ давно еще была задумана поѣздка съ нимъ вмѣстѣ на медвѣдя, къ которой онъ готовился. Но она не удалась. Онъ чувствовалъ себя дурно и не поѣхалъ. [31]).

Большой знатокъ въ области церковнаго обихода, Горбуновъ обильно черпалъ изъ этого источника и въ его разсказахъ проходилъ цѣлый рядъ церковнослужителей, монаховъ, богомольныхъ старухъ, ютящихся на паперти нищихъ... Говоря о домѣ въ московскомъ Захолустьѣ, уже пришлось коснуться ихъ отчасти по поводу свадьбы Семенушки. Обращаюсь теперь къ этой сторонѣ его таланта и припоминаю извѣстный разсказъ о *Кіевскихъ пещерахъ*.

По обѣ стороны лѣстницы, спускающейся внизъ къ пещерамъ, расположились нищіе, хромые, слѣпые, изъ среды «Бродячей Руси», отчего лѣстница называется *Лѣстницей вздоховъ*. Слышны разнообразные возгласы, сопровождаемые разнородными, подчасъ уродливыми жестами:

— Хр*а*мому... подайте... батюшка...

— Сл*я*пому...

— Томному ч*и*лавѣку...

— Подайте!...

У двери, ведущей въ самыя пещеры, группа посѣтителей: генералъ, можетъ быть Дитятинъ, господинъ съ женою, толпа богомольцевъ, монахъ, продающій свѣчи. Дама, жеманная особа, выражаетъ неохоту спуститься внизъ, мужъ уговариваетъ. Происходитъ нѣмая сцена, неподражаемо передававшаяся Горбуновымъ: мужъ киваетъ головой по направленію къ двери, приглашая идти; жена дѣлаетъ видъ, что занята застегиваніемъ своихъ перчатокъ.

— Пойдемъ.

Молчаніе...

Супруга усиленно занята своими перчатками.

— Ну, что́ же?

— Ахъ, тамъ па-а-хнетъ! вырывается наконецъ.

Монахъ успокаиваетъ:

— Нѣтъ, сударыня, тамъ очень пріятный запахъ...

Наконецъ, жена соглашается. Открывается дверь, генералъ дѣлаетъ движеніе пройти первымъ, но его опережаетъ куча старухъ, которыя швыряются внизъ по ступенькамъ. Генералъ выражаетъ неодобреніе и крякаетъ.

Впереди идетъ монахъ, указывая путь, называя почивающихъ угодниковъ, за нимъ слѣдуютъ остальные со свѣчами въ рукахъ. Монахъ говоритъ нараспѣвъ, тоненькимъ голосомъ:

— Алипій, угодничекъ Божій... Преподобный Даміанъ Цѣлебникъ... Маркъ Гробокопатель... Никола Святоша...

Генералъ креститъ свой животъ, издаетъ неопредѣленные звуки, богомольцы набожно прикладываются, дама дѣлаетъ гримасу...

— Преподобный Агапитъ, врачъ безмездный... Іоаннъ Многострадальный... продолжаетъ проводникъ.

— Брррр!..

— Преподобный Несторъ Лѣтописецъ...

— А! *вотъ онъ!*.. Брррр!..

— Оника воинъ... Онуфрій Молчаливый... Никонъ Сухой... Матѳей Прозорливый... Илларіонъ Схимникъ... Преподобный Стефанъ...

— *Баторій?* Брррр!.. раздается со стороны генерала.

— Не могу знать, ваше превосходительство. Не могу сказать, отвѣчаетъ монахъ.

— Преподобный Меркурій Постникъ... Преподобный Иліа Муромецъ...

Генералъ обращается къ монаху:

— Ну, а Соловья Разбойника нѣтъ?.. [32]).

Въ другомъ разсказѣ отъ лица скитающагося монаха разсказывается исторія одного монастыря. Глядя исподтишка и щуря лѣвый глазъ, монахъ басомъ, съ выговоромъ на *о*, передаетъ

сказаніе о томъ, какъ монастырь, бывшій крайне бѣднымъ, *раздышался*, благодаря особому обстоятельству:

— Вотъ, что я тебѣ, мать, скажу, а ты слушай. Монастыренко-то нашъ былъ бѣдненькій, ограда деревянная, братія скитающая, рваная, богомолецъ—человѣкъ темный, неимущій; кружки лѣтъ по семи безъ копейки стояли, хоть не отпирай...

Послѣ этого сказатель повѣствуетъ о томъ, какъ одинъ изъ братіи, отецъ Іона, обронилъ свой поясъ, а другой монахъ подвѣсилъ его къ воротамъ.

— Прошла старуш-о-о-нка, лизнула—*онѣ все лижутъ*—за ней другая... народъ-то и *заковылялъ*... Вскорѣ можно было поставить часовню и кружку соорудить: *копеички-то и зака-а-апали!* Жертвовать стали. Стала слава про поясъ проходить: *явленный*. Купца изъ Москвы привезли... «опоясали» — полегчало... На колокола пожертвовалъ... Церковь строить стали... А народъ все валитъ... Купчиху приво-о-з-или отъ родовъ, чрево опоясывали... Губернаторскую дочку привозили отъ блѣдной немощи... Откупщика безъ ногъ... Трактиръ открыли... Мозольный операторъ пріѣхалъ...

Только до Святѣйшаго Синода дошелъ слухъ... прослышали... изъ Санктъ-Петербурга бумага пришла... Архіерей спрашиваетъ:

— Что у васъ за по-э-съ?.. По-э-сокъ-то прибери-и-тя... какъ бы чего не вышло...

Но, очевидно, дѣло было уже сдѣлано, потому что монахъ съ торжествомъ заканчивалъ свою повѣсть:

— Поэсокъ-то прибрали, а монастырь *обновился* [33]).

У Горбунова былъ еще рядъ не совсѣмъ цензурныхъ разсказовъ изъ того же быта. Напримѣръ, купчихѣ докладываютъ, что пришелъ монахъ съ Аѳонской горы. Она велитъ принять. Входитъ странникъ. Его приглашаютъ сѣсть и начинается разговоръ.

— Что́ у васъ, батюшка, тамъ, трудно?

— Трудно, матушка, трудно.

— Что же вы дѣлаете?

— Спасамся, матушка, спасамся... Духъ бо бодръ, плоть же немощна... Но дальше идетъ непередаваемое въ печати [34]).

Вотъ еще картинка, выхваченная съ натуры изъ жизни старухъ-богомолокъ. Одна изъ нихъ, подперши руками подбородокъ, всхлипывая и вздыхая, передаетъ другой впечатлѣнія, вынесенныя изъ церкви, гдѣ происходилъ обрядъ анаѳемы съ участіемъ митрополита Филарета:

— Впяхнули меня въ церковь Божію... Что народу... что людей... что всего прочаго... всякаго, разнаго... И свѣчи всѣ возженныя!..

— Возженныя?.. перебиваетъ первую старуху другая.

— Возженныя, матушка, возженныя, отвѣчаетъ та, и болдуханіе такое... И вывели его, батюшку... Шапка у его камнямъ горитъ... И поставили на мѣсто... уготованное... И какъ начали его *проклинать*... Ужъ проклинали его, проклинали... Ужъ я плакала, плакала... А у его, у батюшки, только бородка сѣдинькая трясется... [35]).

Митрополитъ Филаретъ часто вызывался въ памяти Горбунова, напримѣръ, его тихій шепотъ, когда онъ услыхалъ ошибку читавшаго о выборѣ апостола на мѣсто Іуды и когда вмѣсто слѣдуемаго «и избраша два: Іосифа и Матѳія», чтецъ произнесъ «и избраша *два Іосифа*»... послышался тихій, но слышный шепотъ владыки:

— Дуракъ, одного [36]).

Существовалъ разсказъ о томъ, какъ митрополитъ Филаретъ былъ въ церкви Троицы на Листахъ, но онъ не сохранился въ памяти.

Знатокъ церковной обрядности, Горбуновъ до тонкости изучилъ служителей ея и подмѣчалъ, порой добродушно, а иногда и зло, все достойное

смѣха. Страсть русскаго купечества къ этой обрядовой сторонѣ церкви должна была особенно привлечь наблюдательность Горбунова, и онъ, въ хорошую минуту, много могъ разсказать о московскихъ купеческихъ развлеченіяхъ, среди которыхъ общеизвѣстны колокола, голосистые діаконы и другія времяпрепровожденія.

Нерѣдко въ Москвѣ и по сіе время можно встрѣтить любителей, бьющихся объ закладъ, какой дьяконъ перещеголяетъ другихъ своимъ голосомъ. Голоса пробуются, а обладатели ихъ передъ рѣшительнымъ днемъ угощаются и очень старательно, такъ какъ русское купечество издавна славится особенною любовью къ голосистымъ дьяконамъ и нигдѣ нѣтъ такихъ голосовъ, какъ именно въ Москвѣ.

Не за подобнымъ ли угощеніемъ одинъ купецъ напился до того, что не могъ различить, «гдѣ отецъ діаконъ»: онъ видѣлъ только *руку наливающу*... [37]).

Но однажды лучшій дьяконъ спился, голосъ свой пропилъ. Купцы составили совѣтъ, что дѣлать и рѣшили дьякона перемѣнить и послать искать новаго въ Сибирь, такъ какъ лучшій дьяконъ всегда *идетъ изъ Сибири*. Искали долго, наконецъ нашли одного, Горбуновъ прибавлялъ въ шутку: *въ тайгѣ лежалъ*. Роста громаднаго, голосище страшный. Только ужъ выпить любилъ; а какъ выпьетъ, не подходи—

звѣремъ становился. Однако и его укротили: продернули ему въ ноздри кольцо... и *за ноздрю* привели въ Москву... прямо на тройкѣ въ баню, а оттуда въ Успенскій соборъ...

А старый-то дьяконъ еще не уволенъ. Собрались купцы слушать новаго дьякона, бьются объ закладъ. Выносятъ евангеліе. Вновь приведенный, какъ хватитъ конецъ высокой нотой, только окна задребезжали и рамы затряслись...

На клиросѣ купцы обступили стараго дьякона:

— Видишь, говорятъ, не то, что ты...

— Ладно, говоритъ, я его на *рцемъ вси* смажу!

И смазалъ. Вышелъ изъ алтаря и глубокой октавой:

— Рцемъ вси отъ всея души... [38]).

Неподражаемая игра лица у Горбунова, звукъ и оттѣнки его голоса навсегда унесены художникомъ въ могилу и многія изъ его образныхъ сценъ теряютъ въ передачѣ. Возможно ли изобразить словами слѣдующую сцену:

Въ церкви генералъ изъ «штатскихъ» усердно возноситъ молитвы, шепчетъ что-то и глядитъ на иконы; перекрестится, вознесетъ очи горѣ, потомъ покажетъ рукой на свою шею и повторяетъ эти движенія; потомъ вдругъ толкнетъ

стоящаго передъ нимъ мальчика, своего сынка въ голову, покажетъ ему на шею и прикажетъ молиться, вымаливая себѣ такимъ способомъ крестъ «на шею»... [39]).

Въ другой разъ фантазія Горбунова унесется въ тѣсную келью монастыря, и онъ выведетъ цѣлое общество монаховъ, обсуждающихъ тлетворное вліяніе Запада на благочестивую Русь, и какой-нибудь изъ нихъ вдругъ да и вставитъ:

— А что, братіе, Ренанъ... онъ *у-у-мный*!.. [40]).

А какія фигуры выступали передъ взоромъ при описаніи пріѣзда въ одинъ московскій купеческій домъ архіерея...

Не помню совершенно подробностей, но вижу ясно хозяйку дома, безчисленное количество толкающейся родни, о которыхъ хозяйка говоритъ: «мало ли ихъ у насъ всякой *слякоти*», да еще какую-то дѣвицу, которая *въ плюмянницахъ жила*, подносящую владыкѣ блины, пришепетывая при этомъ:

— Сама пякла-съ [41]).

Да еще здѣсь, кажется, кухонныя приготовленія передъ пріѣздомъ гостя, заботы объ изготовленіи пирога и совѣты провертѣть въ тѣстѣ дырочку:

— *Пусть вздохнетъ* [42]).

Горбуновъ въ своихъ разсказахъ никогда не оскорблялъ религіознаго чувства слушателей. Онъ любилъ красоту церковныхъ обрядовъ, которые зналъ въ совершенствѣ. Онъ самъ иногда за всенощной читалъ шестопсалміе и читалъ съ большимъ чувствомъ. Перелистывая богослужебныя книги, онъ любилъ пѣть вполголоса каноны, напримѣръ, пасхальный.

Вспоминаются и другія лица изъ церковнаго міра. Вотъ священникъ старческимъ голосомъ поетъ изъ алтаря гдѣ-нибудь въ московскомъ приходѣ изъ пасхальнаго канона: «Еже прежде солнца, солнцé зашедшее...» [43]).

Вотъ нѣсколько добровольныхъ пѣвчихъ, присосавшихся къ лѣвому клиросу... Вотъ законоучитель...

ДОМАШНЯЯ
БИБЛИОТЕ
УЛИТИНА
Алексея Викторо

Въ разсказахъ Горбунова проходилъ мимо слушателей цѣлый міръ учителей. Живьемъ схваченные, они, быть можетъ, имѣли и нѣкоторое біографическое значеніе, но, во всякомъ случаѣ, необычайно правдиво переносили въ доброе старое время русской школы.

Законоучитель, живой крикунъ французъ, мрачный математикъ, бросающій короткія фразы, географъ, заставляющій долбить свой предметъ, наконецъ, добродушный историкъ, диктующій ученикамъ свои записки — всѣ эти школьные мастера, каждый со своими особенностями, живо глядѣли изъ-подъ творческой кисти художника [44]).

Законоучитель медленно входилъ въ классъ, его тотчасъ обступали и подходили подъ благословеніе. Протоіерей крестилъ прежде всего сторожа-солдата, тихо произнося:

— Стражъ храмины сея Ѳаддей... [45]).

Потомъ нагибался къ дѣтямъ, крестя ихъ и приговаривая при этомъ:

— Маленькія, маленькія...

Но когда подходила долговязая фигура одного изъ застарѣвшихъ учениковъ, батюшка высоко вскидывалъ благословляющую руку и торжественно выговаривалъ:

— Господинъ Шишкинъ, во имя Отца и Сына и Святаго Духа... [46]).

Потомъ онъ снималъ камилавку и со вздохомъ клалъ ее на столъ:

— Усталъ, братіе!.. А древніе подвижники... Какая вѣра! Какая любовь!..

Послѣ этого начинался урокъ. Онъ открывалъ евангеліе и читалъ:

«И вопроси его нѣкій князь, глаголя: учителю благій, что сотворивъ животъ вѣчный наслѣдствую?.. Рече ...вся елика имаши, продаждь и раздай нищимъ... Онъ же слышавъ сіе, прискорбенъ бысть: бѣ бо богатъ зѣло».

Законоучитель сочувственно прибавлялъ:

— Какова, братіе, загвоздка?! Поди-ка, продай имѣніе и раздай нищимъ...

Въ другой разъ, замѣтивъ, что на задней лавкѣ двое учениковъ не слушаютъ его объясненій, а занимаются чѣмъ-то постороннимъ, онъ нѣсколько разъ проходитъ мимо нихъ и видитъ, что они играютъ въ шашки; тогда, по-

терявъ всякое терпѣніе, но не останавливая своего разсказа о томъ, какъ «приведоша къ нему дѣтей», онъ восклицаетъ:

— Развиваетъ умъ! [47]).

Французъ вбѣгалъ въ классъ съ громкими возгласами, поправляя на ходу часть своего туалета и былъ стремительно подвиженъ. Урокъ начинался съ чтенія молитвы передъ ученіемъ. Дежурный обыкновенно начиналъ читать слишкомъ протяжно, возносилъ очи горѣ, крестился безпрестанно и умилительно произносилъ слова:

— Пре...бла...гій Господи..., нис...пос...ли намъ бла...го...дать...

Французъ крѣпился долго и, наконецъ, едва дождавшись конца, быстро сажалъ ученика слѣдующими словами:

— Богомульный!—Zéro!

Затѣмъ начинался урокъ:

— Chichkine, lisez! обращался учитель къ великовозрастному дѣтинѣ, сидѣвшему на задней скамейкѣ.

Шишкинъ подымался и, отчаянно ломая языкъ, начиналъ съ первой страницы творенія Фенелона:

— Телемакве... Калипсо не пуваетъ се консолеръ дю депаръ дулиссе...

— А-а-а! вскрикиваетъ французъ, корчась отъ боли.—Chichkine, тебѣ шишка!

Потомъ слѣдовало объясненіе изъ грамматики именъ существительныхъ. Французъ выкрикивалъ примѣръ:

— Pierre occupe la première place de la classe. Les substantifs: Pierre, place, classe...—и пояснялъ, что они бываютъ одушевленныя и неодушевленныя.

— Существительныхъ два: одинъ *живой*,— муа... французъ... храбръ... живой... Птицъ на небо... лета...етъ... и при этомъ онъ размахивалъ руками. Другой—стулъ... онъ ни мӧжтъ... онъ мальшитъ... онъ ни мӧжтъ... Онъ мальшитъ... *онъ ни мӧжтъ*,— еще разъ кричалъ, напрягая свой голосъ, учитель, видимо силясь доказать неодушевленность стула, за спинку котораго онъ держался.

Откуда былъ онъ и какъ попалъ въ Москву— не помнится, но весьма вѣроятно, что былъ остаткомъ Наполеонова нашествія и происходилъ изъ солдатъ; это предположеніе невольно приходитъ въ голову потому, что при словахъ: «муа... французъ храбръ», Горбуновъ на мгновеніе становился въ позу колющаго штыкомъ.

— Сравнительныхъ три, продолжалъ кричать учитель: карошъ, лушь et le troisième — ravissant! [48]).

Учитель математики мрачно входилъ въ классъ, говорилъ зло, отрывисто, низкимъ басомъ.

— Шишкинъ! вызываетъ онъ все того же ученика, ступай къ доскѣ, возьми мѣлъ, пиши:

«Мать купила для дѣтей вишенъ... Дѣтей было семь... Одному дала одну вишню, другому и т. д. Спрашивается: сколько послѣднему».—Записалъ?... Ну, рѣшай!

Шишкинъ исписываетъ всю доску алгебраическими знаками и бормочетъ: «иксъ... игрекъ... иксъ», но, очевидно, не можетъ объяснить рѣшенія.

За спиной учителя съ заднихъ скамеекъ товарищи пытаются подсказать жестами и знаками.

— Ну, что же, разсказывай! злобно прерываетъ учитель.

Молчаніе...

Наконецъ Шишкинъ пробуетъ открыть ротъ:

— Одина... одинак... одинаковые члены... сокращаются, вопросительно выговариваетъ онъ, глядя съ тоской на учителя.

Математикъ съ полнѣйшимъ равнодушіемъ:

— Ну и пускай ихъ сокращаются... Мнѣ что за дѣло.

— Подобные члены... подобные...

— Что́ подобные-то, что̀ подобные? не-

терпѣливо и раздраженно бросаетъ учитель— гроза всего класса.

— Подобные члены... можно от... от... бросить... нерѣшительно лепечетъ трехаршинный, перепуганный тупица.

Учитель стоитъ отвернувшись въ сторону и невозмутимо рѣжетъ:

— Бросай, только окно не расшиби—казенное... Садись! [49]).

Географъ, кажется, не привлекалъ особеннаго вниманія Горбунова. Онъ требовалъ знанія наизусть географическихъ именъ, а о смыслѣ своей науки не заботился. Примѣромъ долбни можетъ служить отвѣтъ одного изъ учениковъ, сплеча рубившаго выученный урокъ. Передать выраженіе лица ученика и характеръ рѣчи на бумагѣ невозможно, но нѣкоторое представленіе получится, если послушать этотъ отвѣтъ.

Ученикъ съ разбѣга перечисляетъ рѣки, такъ что названія едва слышны:

— Волга, Днѣпръ, Донъ, Ду...

— Стой! неожиданно перебиваетъ учитель, отвлеченный чѣмъ-то въ сторону. Затѣмъ, черезъ нѣкоторое время, освободившись, командуетъ:

— Дальше!

Ученикъ продолжаетъ рубить:

— най, Висла, Западная Двина... [50]).

Учитель русской словесности не остался въ памяти, только, какъ онъ заставлялъ разучивать стихи и быстро рубилъ:

И Терекъ... прыгая... какъ львица...
Съ косматой... гривой... на хребтѣ... [51]).

Не онъ ли обращается съ вопросомъ по поводу стихотворенія Лермонтова

Въ минуту жизни трудную
Тѣснится-ль въ сердцѣ грусть,
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть...

съ вопросомъ, какая это молитва?

Ученики наперерывъ стараются отгадать, но все неудачно. Кто говоритъ «Отче нашъ», кто «Богородицу», наконецъ, вскакиваетъ одинъ и увѣренно выкрикиваетъ:

— Боже, царя храни!..

И когда всѣ недоумѣваютъ, почему, то ученикъ объясняетъ:

— Онъ *офицеръ* былъ [52]).

Учитель исторіи входилъ въ классъ и ласково улыбался. Онъ говорилъ:

— Ну, дѣти, возьмите вставочки, откройте тетрадки, пишите:

Исторія мидянъ... исторія... мидянъ... точка и подчеркнуть...

Съ новой строки: введеніе въ исторію мидянъ... введеніе... въ исторію... мидянъ... введеніе...

Написали?

Точка и подчеркнуть... точка и подчеркнуть...

Съ красной строки:

Исторія... мидянъ... исторія мидянъ... исторія...

Написали?

Исторія мидянъ... темна... темна и не-понятна... темна и не-по-нятна... темна и не-понятна.

Написали?

Съ красной строки:

Конецъ исторіи мидянъ. Конецъ... исторіи мидянъ...

Написали?

Точка и подчеркнуть... Конецъ исторіи мидянъ... [53]).

Есть вѣроятія, что эти педагоги взяты Горбуновымъ изъ живого прошлаго. Міръ прежнихъ учителей не разъ привлекалъ вниманіе Горбунова. Черты воспитанія могутъ быть найдены и въ описаніи нравовъ Захолустья и въ другихъ его разсказахъ.

Говорятъ, были у него и типы изъ міра профессорскаго, но я никогда не слыхалъ отъ него объ ихъ существованіи.

Трудно объединить всѣ отдѣльные клочки поэтическаго творчества Горбунова, случайно рождавшіеся подъ вліяніемъ минуты. Хотя они отрывочны, но для полноты слѣдовало бы сдѣлать въ этомъ отношеніи все возможное, насколько позволяетъ память. Считаю не лишнимъ, поэтому, привести, хотя бы безъ особой связи, всѣ маленькія сценки, срывавшіяся порой въ разговорѣ.

У Горбунова была своеобразная разговорная рѣчь, посреди которой онъ иногда разражался блестками юмора. Эти комическія вставки чередовались съ серьезной бесѣдой и незнакомаго человѣка приводили порой въ недоумѣніе.

Извѣстенъ случай на вокзалѣ Николаевской желѣзной дороги въ Москвѣ, когда Иванъ Ѳедоровичъ, глядя на удаляющійся вагонъ съ виднѣвшейся въ окнѣ фигурой генералъ-губер-

натора того времени, князя В. А. Долгорукова, о которомъ онъ любилъ говорить, что у него *губы бантикомъ*, обратился къ присутствующимъ съ возгласомъ.

— Хорошо имъ, высокопоставленнымъ, а каково намъ, низкоположеннымъ!

Кажется, изъ толпы кто-то отвѣтилъ:

— Вѣрно! [54]).

Въ другой разъ на томъ же Николаевскомъ вокзалѣ при удаленіи поѣзда послышался короткій возгласъ генерала Дитятина, вспомнившаго строителя дороги:

— Молодецъ Клейнмихель!

— Однажды, уѣзжая самъ съ поѣздомъ, Горбуновъ вдругъ обратился къ кому-то изъ провожавшихъ его, когда поѣздъ уже трогался, съ неожиданнымъ возгласомъ, яко бы отъ какой-нибудь замоскворѣцкой особы:

— Ключи на окошкѣ!

Взрывъ хохота былъ отвѣтомъ на это напоминаніе [55]).

На той же Николаевской желѣзной дорогѣ Иванъ Ѳедоровичъ разыгралъ шутку съ В. С. Соловьевымъ, о которой я слышалъ недавно еще отъ самого Владиміра Сергѣевича. На стан-

ціи, кажется въ Любани, они оба сѣли за одинъ столъ. Горбуновъ обращается вдругъ къ Соловьеву и тихо говоритъ ему:

— А какой я сейчасъ про васъ разговоръ слышалъ! И указываетъ на сидящихъ неподалеку отъ нихъ двухъ офицеровъ.

Одинъ офицеръ будто бы говоритъ другому:

— Посмотри! это Соловьевъ! Философъ. А *тоже*... ѣстъ... [56]).

Не могу не вспомнить здѣсь, какъ сочувственно отзывался Соловьевъ о талантѣ Горбунова и какъ смѣялся своимъ высокимъ звонкимъ смѣхомъ, который и по сейчасъ стоитъ въ ушахъ, даже при моихъ слабыхъ попыткахъ читать вслухъ разсказы Горбунова.

Горбуновъ умѣлъ очень ловко подмѣчать смѣшныя стороны людей. Напримѣръ, на вопросъ, что́ такое сдѣлалось съ однимъ господиномъ послѣ служебнаго повышенія, почему онъ, всегда простой, сталъ болѣе важнымъ, онъ, не задумываясь, отвѣчалъ:

— *Генералину* хватилъ! [57]).

Одинъ изъ митрополитовъ, глядя однажды изъ окна Сѵнода на ученье какого то полка

на Сенатской площади и, не понимая кавалерійскаго ученія «пѣшее по конному», спросилъ у присутствующихъ:

— *Что́ симъ достигается?* [58]).

Горбуновъ любилъ вступать въ бесѣду съ разнаго рода незнакомцами, напримѣръ, бесѣдовалъ однажды на станціи Подольскъ Московско-Курской желѣзной дороги съ газетчикомъ о Бисмаркѣ, а въ другой разъ разговорился съ однимъ гробовщикомъ. На вопросъ, какъ идутъ дѣла, гробовщикъ отвѣчалъ:

— Теперь худо, а вотъ весной, *когда младенецъ шелъ*, тогда было лучше [59]).

И невольно пришла въ голову присутствующимъ русская поговорка: «на ловца и звѣрь бѣжитъ».

И сколько такихъ случаевъ, вѣроятно, было у наблюдательнаго художника, много поѣздившаго на своемъ вѣку. Говорятъ, была въ этомъ отношеніи удивительно интересная поѣздка въ Псковъ съ прогулкой по рѣкѣ Великой.

Горбуновъ былъ большой мастеръ наблюдать толпу. Вотъ примѣръ.

Москва...

По улицѣ быстро несется коляска съ кѣмъ-то, очевидно, очень важнымъ. Мелькаютъ мундиры. Въ толпѣ разносится шумъ, но никто не кричитъ. Вдругъ одинъ изъ толпы начинаетъ во весь голосъ кричать:

— Отецъ, отецъ!... Ура!

Но его обрываютъ со стороны:

— Чего орешь?... Не нашъ... Персидск*ай*!

Разоравшійся мигомъ стихаетъ, а вслѣдъ затѣмъ въ воздухѣ громогласно виснетъ по адресу промчавшагося тройное россійское привѣтствіе...

Говорятъ, что это происходило на самомъ дѣлѣ [60]).

Въ уста простой женщины Горбуновъ вложилъ однажды опредѣленіе разницы въ житейскомъ положеніи мужчины и женщины. Крестьянка жалуется кому-то на свою горькую, женскую долю:

— Ваше дѣло что́, говоритъ она, обращаясь къ слушающему ее собесѣднику: *встряхнулся и пошелъ*, а намъ-то каково... [61]).

А вотъ, напримѣръ, какое отношеніе русскаго человѣка къ *праву*. Горбуновъ разсказывалъ, что однажды въ одной лавкѣ, чуть ли не онъ самъ, спросилъ торговца, что у него за

дипломы развѣшаны на стѣнѣ подъ стекломъ, въ рамахъ. Торговецъ съ великимъ презрѣніемъ отвѣчалъ:

— Права!

И тутъ же пустилъ по ихъ адресу одно изъ тѣхъ выразительныхъ словечекъ, какими любитъ выражаться русскій человѣкъ, схожее съ тѣмъ, какое было пущено въ догонку Персидскому [62]).

Вспоминаю еще, изъ мелочей, разговоръ въ телефонъ, вскорѣ послѣ того, какъ онъ сталъ входить въ употребленіе. Одинъ купецъ, изъ пріѣзжихъ, никогда не видалъ устройства телефона. Его товарищъ объясняетъ новинку и предлагаетъ сейчасъ поговорить изъ ресторана, гдѣ они сидѣли, съ его домомъ.

— Сейчасъ самъ услышишь.

Соединяютъ.

Слышатся какіе-то звуки: «кх..рр.х...х ..»

Купецъ вызываетъ жену и говоритъ ей, чтобъ она ждала къ обѣду гостя.

— Да вотъ, слушай, она сама будетъ отвѣчать.

Пріятель съ любопытствомъ прикладываетъ ухо.

Въ трубку раздается возгласъ:

— Охота тебѣ всякую сволочь приглашать!

Хозяинъ спрашиваетъ:

— Слышишь? Ея голосъ?

— *Ея, ея*, увѣренно отвѣчаетъ пріятель [63]).

Вотъ клочекъ изъ разговора двухъ пріятелей послѣ того, какъ они *по одиннадцатой хлопнули:*

— Я тебѣ говорилъ: вотъ тебѣ линія, доходи до точки и обдѣлывай дѣла...

Однажды Горбуновъ изобразилъ стачку рабочихъ на одной изъ фабрикъ. Подробностей не упомню. Была здѣсь и толпа рабочихъ, вчера слушавшая новыя рѣчи, а сегодня рабски и покорно смирившаяся передъ властью, и люди, предполагавшіе, что ихъ народъ легко пойметъ и за ними послѣдуетъ, и, наконецъ, власть, явившаяся въ сопровожденіи вооруженнаго отряда [64]).

А вотъ шутка. На Невѣ подъ Петербургомъ—тоня. Рыбаки тащатъ сѣти. Тащатъ съ трудомъ очевидно обильный уловъ. Стоящая кругомъ толпа съ любопытствомъ слѣдитъ за зрѣлищемъ, перекидываясь словечками:

— Должно, осетеръ, — увѣренно замѣчаетъ чей-то голосъ.

Наконецъ, подошли къ берегу тянутъ тя-

желыя сѣти, но вмѣсто ожидаемой рыбы неожиданно вытаскиваютъ «чиновника въ вицъ-мундирномъ фракѣ съ металлическими пуговицами»...

Толпа остритъ:

— Вотъ такъ осет-е-е-ръ! [65]).

О жизни чиновниковъ Горбуновъ говорилъ, что чиновникъ:

— Утромъ пишетъ, пишетъ, пишетъ... Вечеромъ пляшетъ, пляшетъ, пляшетъ...

Вотъ любопытный обрывокъ изъ разговора министра:

— Я вамъ *дѣло* говорю, а вы мнѣ все *законы тычете* [66]).

У Горбунова была привычка посылать иногда своимъ знакомымъ письма и записки, вызванныя текущею жизнью, въ которыхъ онъ своеобразнымъ слогомъ дѣлился мыслями по поводу переживаемаго времени. Иногда эти письма писались отъ имени генерала Дитятина, иногда отъ имени архимандрита Фотія, иногда отъ самого Ивана Ѳедоровича Горбунова. Иногда рождалось неожиданно цѣлое произведеніе съ законченнымъ содержаніемъ, какая-нибудь челобитная, письмо слогомъ прошлаго столѣтія, или что-нибудь въ этомъ родѣ.

Совершенно случайный поводъ вызвалъ цѣлое произведеніе въ письмахъ историческаго характера, гдѣ изъ нѣсколькихъ строчекъ возсоздается цѣлая картина нравовъ минувшаго времени. Это дѣло *О нѣкоторомъ зайцѣ*. Поводъ къ написанію былъ слѣдующій: вернувшись однажды съ охоты, я отправилъ Ивану Ѳедоровичу, по его просьбѣ, въ видѣ охотничьяго приношенія,

убитаго зайца. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого онъ передалъ мнѣ слѣдующія *копіи со старинныхъ писемъ*: Первое какъ бы отъ имени Петра Великаго:

Min Her граѳъ.

Зазаеца благодарствую і тово заеца немешкаѳъ на асанблеи съ ели і івашку хмельницкова многажды неленосно тревожыли понеже заецъ вельми жыренъ былъ и шпігусомъ зело чіненъ чаели и жывоту небыть да сілою ідействіемъ івашки іпредстательствомъ отца нашего всешутейшаго Кѵра жывы сущі і ѳ здравіі пребываемъ і отомъ поддино вамъ от пісываю.

Piter.

Послѣ такого вступленія шла переписка между цѣлымъ рядомъ лицъ: архимандритомъ Фотіемъ, оберъ-прокуроромъ св. Сѵнода княземъ А. Н. Голицынымъ и другими.

Фотій князю А. Н. Голицыну.

Вчера, въ четвертокъ, послѣ малаго повечерія, въ тонцѣмъ снѣ пребывалъ и присные мои дали покой очима своими и вѣждома своима дреманіе. И се гласъ не человѣчь, а собаки нѣкоторыя лаяли и визжали и ко святымъ вратамъ бросались, а всадники на коняхъ тру-

били въ трубы и хлопали бичами. Я выслалъ служку вопросить — какія ради нужды монастырь окружили? Нѣкій человѣкъ, подобіемъ миѳологическій центавръ, отвѣтствовалъ — яко бы заяцъ въ монастырѣ скрывается. А у меня заяцъ въ монастырѣ давно пребывалъ, подъ камнемъ жилъ (писано бо есть: «камень прибѣжище заяцемъ») и кормилъ я его рукама своима, и того зайца центавры изъ монастыря изгнали и псамъ на растерзаніе отдали, а нѣкоторая пестрая псица старцу Досиѳею рясу подаренную Анной изорвала. Защити, другъ великій.

Кн. А. Н. Голицынъ Фотію.

На письмо Вашего Высокопреподобія имѣю честь отвѣтствовать, что я не преминулъ написать новгородскому губернатору о семъ крайне огорчившемъ меня произшествіи. Очень грущу, что нарушили ваше безмолвіе, необходимое для спасенія души, но врагъ темный и оскверненный всегда съ нами и за нами и несть иже укрыстся онъ него, а я

Есмь и пр...

Новгородскій Губернаторъ кн. А. Н. Голицыну.

На письмо Вашего Сіятельства высокопочтительнѣйше имѣю честь отвѣтствовать, что по собраннымъ мною свѣдѣніямъ вышеупомянутаго

зайца затравили дворовые люди Его Сіятельства, Графа Алексѣя Андреевича Аракчеева, по приказанію Анастасіи Ѳеодоровны, для ея стола и сдали его повару Порфирію. Они же застрѣлили въ Волховѣ трехъ частныхъ гусей, принадлежащихъ села Взгорья діакону Островидову, и разложивъ въ полѣ огонь изжарили и съѣли крестьянскую овцу и все то дѣлали именемъ Анастасіи Ѳеодоровны. Вмѣстѣ съ тѣмъ мною поручено исправнику, подъ личной его отвѣтственностію, произвести строжайшее разслѣдованіе.

Съ глубочайшимъ и пр...

Капитанъ Исправникъ Новгородскому губернатору.

Получивъ словесное повелѣніе Вашего Превосходительства о разслѣдованіи затравленнаго зайца, оный заяцъ, по негласнымъ свѣдѣніямъ и присяжнымъ показаніямъ, оказался не монастырскимъ, монастырскій же, по пойманіи онаго, будетъ доставленъ отцу Архимандриту. Касательно гусей, то отецъ діаконъ отъ оныхъ отказался и призналъ таковыхъ перелетными, а люди, распространявшіе тревожные слухи, заключены въ тюремный замокъ.

Исправникъ... [67]).

У меня сохраняются еще нѣсколько строкъ, принадлежащихъ перу Горбунова, не имѣющихъ такого значенія, какъ только-что приведенное произведеніе о зайцѣ, но все же любопытныхъ.

Вотъ переносящая къ XVIII вѣку надпись на билетикѣ, какіе въ прежнее время вставлялись въ обложку леденца:

Среди прекраснѣйшихъ долинъ
Свершилъ любви я пантоминъ [68]).

Вотъ нѣсколько строкъ, написанныхъ однажды на одномъ ученомъ засѣданіи. Докладчикъ упомянулъ о «благодѣтельныхъ» сторонахъ того времени, когда помѣщики и крестьяне «одно цѣлое составляли». Горбуновъ взялъ карандашъ и на клочкѣ бумаги набросалъ слѣдующій указъ:

«А воровъ и лѣнтяевъ брать въ контору и сѣчь ж... безъ всякаго милосердія. А за бабами и дѣвками строго смотрѣть, чтобы б.... не заводили, а виновныхъ сѣчь, а также сѣчь и соблазнителей» [69]).

Существуетъ мимолетная сцена, относящаяся къ изображенію времени отмѣны крѣпостного права. Возстановить ее можно только намекомъ, но въ живомъ изображеніи Горбунова вся картина представлялась, какъ на яву.

Наступаетъ 19-ое февраля 1861 года. Манифестъ читается всюду съ волненіемъ. Въ одной изъ залъ Московскаго англійскаго клуба сидятъ нѣсколько членовъ и слушаютъ чтеніе. Изобразить позы и типы слушателей невозможно теперь, но ясно видится одна согнувшаяся старческая фигура въ креслѣ, съ длинной трубкой. Старикъ слушаетъ съ большимъ вниманіемъ, видимо не сразу понимая смыслъ манифеста. Онъ накрылъ правой рукой глаза, какъ дѣлаютъ, когда смотрятъ вдаль противъ свѣта и потянулся впередъ. Глаза его впились въ чтеца. Но вотъ смыслъ разобранъ и неожиданно изъ угла, гдѣ онъ сидѣлъ, разносится восклицаніе:

— Тьфу!...

И затѣмъ другое, крѣпкое русское слово, непередаваемое въ печати, «въ колѣнѣ восходящемъ», по адресу *ихъ* [70]).

Горбуновъ въ своихъ печатныхъ разсказахъ упоминалъ о крѣпостномъ правѣ и въ разсказѣ «Медвѣдь» вывелъ одного старика, бывшаго Аракчеевскаго крѣпостного, вспоминавшаго о быломъ времени и о своемъ «большомъ господинѣ», какихъ «нынче и господъ-то нѣтъ, да и въ тѣ поры, пожалуй что, не было»...

— Строгой былъ человѣкъ, горя нашего не чувствовалъ... Лютой былъ человѣкъ, попилъ нашей крестьянской крови вволю... А жить намъ за нимъ было хорошо: страхъ былъ, баловства не было, пьянства этого, кабаковъ... Мужикъ былъ сытый.

Съ этимъ замѣчаніемъ соглашается и другой крестьянинъ, находившій, что «мужикъ былъ въ тѣ поры форменный... какъ есть...», а теперь «народъ горькій, всѣ пропимшись... теперича только пьютъ, да на погорѣлое мѣсто собираютъ» [71]).

Вотъ еще нѣсколько личныхъ воспоминаній о Горбуновѣ.

Помню, послѣ одного вечера, пришлось возвращаться домой на извозчикѣ вмѣстѣ съ Иваномъ Ѳедоровичемъ и тутъ онъ признался, что не любитъ, когда къ нему слишкомъ пристаютъ съ просьбами разсказать что-нибудь особенно неприличное. Потомъ разговоръ перешелъ на русскую литературу и онъ заговорилъ о тѣхъ писателяхъ, которые *не умрутъ*... [72]).

Однажды возникло предположеніе вмѣстѣ проѣхаться по столь знакомой ему Волгѣ, гдѣ онъ много изучилъ народныхъ сценъ и подслушалъ разговоровъ. И онъ дѣйствительно могъ похвалиться знаніемъ русскаго народнаго быта, какъ однажды и выразилъ:

— Насъ, батюшка, больше спрашивайте, все разскажемъ.

Припоминаю еще 14-го сентября въ Петербургѣ, день ангела Ивана Ѳедоровича, когда

къ нему собирались его друзья и гдѣ за столомъ самъ хозяинъ, отличавшійся особеннымъ хлѣбосольствомъ и самъ великолѣпный знатокъ въ изготовленіи различныхъ блюдъ, радушно угощалъ своихъ гостей, принадлежащихъ ко всѣмъ слоямъ общества. Въ 1892 году въ этотъ день былъ провозглашенъ хозяиномъ, среди многочисленнаго общества собравшихся друзей, тостъ въ память И. И. Лажечникова, столѣтняя годовщина со дня рожденія котораго какъ разъ въ этотъ день приходилась.

Не разъ зазывалъ Горбуновъ посмотрѣть на устроенный имъ музей въ Александринскомъ театрѣ и я однажды въ указанный день отправился, но засталъ его въ необыкновенно мрачномъ настроеніи. Онъ провелъ по комнатамъ, показывалъ портреты артистовъ и лицъ, причастныхъ къ исторіи русскаго театра и помню, какъ съ особенной гордостью говорилъ, указывая на портреты актеровъ: «Крестьянинъ, крестьянинъ... и это крестьянинъ...» За столикомъ, тутъ же въ музеѣ, онъ потребовалъ пива, но мрачное расположеніе его не покидало и онъ высказалъ нѣсколько рѣзкихъ замѣчаній о невниманіи къ музею и всеобщемъ равнодушіи къ памятникамъ исторіи и ея духу... [73]).

Не могу забыть также и частыхъ застольныхъ бесѣдъ у Н. П. и А. П. Барсуковыхъ, гдѣ на Большой Морской въ «Патріаршей палатѣ» у

Горбунова было свое особое мѣсто во главѣ стола, за которымъ много разъ сыпались, сверкая искрами, блестки его остроумія, мимическаго таланта и поразительной наблюдательности.

Помню Ивана Ѳедоровича часто и въ Москвѣ въ «Славянскомъ Базарѣ» и его любопытныя замѣчанія о блюдахъ. Разъ онъ распространился о томъ, какъ надо дѣлать кулебяку, такую, *чтобъ дышала* [74]).

Хорошо также восклицаніе одного купца послѣ того, какъ онъ только что опрокинулъ рюмку листовки, настоянной на черной смородинѣ. Запахъ настойки обдалъ его ароматомъ и онъ, восхищенный съ умиленіемъ произноситъ:

— *Садъ*... [75]).

Однажды Иванъ Ѳедоровичъ прислалъ приглашеніе къ себѣ отобѣдать въ видѣ слѣдующей «Оды пригласительной на обѣдъ нѣкоего молодого графа съ его друзьями»:

На щи зову тебя со кашей
Къ семи часамъ. О, приходи!
Отъ всей семьи прошу я нашей.
Исполни просьбу, угоди!

* * *

И се тебя солянка срѣтитъ,
Съ парной свининой, колбасой,
. . . . . .
Съ приправой изъ британскихъ сой.

* * *

Покрыты пѣнкою творожной,
Ватрушки будутъ на столѣ.
Вкушай ихъ нѣжно, осторожно,
Съ печатью думы на челѣ.

* * *

Вкушай и мни: сіи ватрушки
Тебѣ въ угоду спечены
Трудами дряхлыя старушки.
О, вы, отечества сыны!

* * *

О, ты, студентъ еще недавный,
О, ты, нашъ Пушкинъ-Мусинъ графъ!
Окончивъ курсъ наукъ исправно,
Со титломъ кандидата правъ,

* * *

Ты вѣчной славою покрылся.
Тая въ душѣ священный жаръ,
Въ Петрополь снова ты явился,
Преврѣвъ Никитскій булеваръ.

* * *

О, вы, о, братья Барсуковы
Во древность разумъ свой вперивъ,
Отторгли свѣтскія оковы
Со дерзновеньемъ... Тенерифъ

* * *

Руками дѣвъ младыхъ нальется
. . . . . .

(Не окончена).

Къ строкѣ, начинающейся *Вкушай и мни...* было сдѣлано авторомъ слѣдующее примѣчаніе: «*Мни* — выходитъ какъ бы мни ватрушки, а значитъ *думай*, повелит. наклоненіе отъ гла-

гола *мнить*, а не *мять*. Какой трудный русскій языкъ! Примѣчаніе Ломоносова».

Къ сожалѣнію, мнѣ не пришлось воспользоваться этимъ приглашеніемъ: это было время экзаменовъ, вышло недоразумѣніе и я не попалъ на обѣдъ, не предупредивъ даже хозяина...

Кромѣ письменныхъ даровъ, Иванъ Ѳедоровичъ далъ мнѣ еще двѣ своихъ фотографическихъ карточки. На одной, изображающей генерала Дитятина, надпись сдѣлана дрожащей рукой—автографъ Дитятина. .

Еще принесъ онъ мнѣ въ даръ портретъ Грановскаго.

Горбуновъ не скрывалъ, что не любилъ разсказывать въ театрѣ передъ публикой, а предпочиталъ болѣе тѣсный кругъ цѣнителей. Можно сказать съ увѣренностью, что онъ много зависѣлъ отъ аудиторіи и не разъ замѣчалось, что если онъ видѣлъ, что аудиторія не та, или есть кто-нибудь, вносящій холодъ, или вообще настроеніе не то, онъ совсѣмъ иначе разсказывалъ, или даже умолкалъ. Особенно не любилъ онъ, чтобы его перебивали. Онъ говорилъ, что въ присутствіи одной строгой особы онъ совершенно не въ состояніи разсказывать. Кромѣ того, онъ замѣчательно былъ чутокъ въ пониманіи той среды, которая его слушала, а потому для болѣе широкаго круга и болѣе тѣснаго у него въ разсказываніи

была огромная разница. Обладалъ онъ въ чрезвычайной степени и тактомъ. Никогда никто не слыхалъ, чтобъ у него, хотя бы нечаянно сорвалось что-нибудь нескромное въ присутствіи дамъ, или дѣвицъ.

Не забуду никогда впечатлѣнія, вынесеннаго послѣ одного обѣда у Горбунова въ его квартирѣ въ Петербургѣ на Невскомъ, когда онъ неожиданно унесся воспоминаніями въ давно прошедшія времена своихъ первыхъ шаговъ артистической дѣятельности. Это случалось съ нимъ рѣдко и не часто приходилось присутствовать при подобномъ воскрешеніи покойниковъ.

Въ воспоминаніяхъ о людяхъ прошлой эпохи, писателяхъ и артистахъ по преимуществу, Горбуновъ, обладая богатою памятью и умѣньемъ въ яркихъ образахъ возсоздавать прошлое, изображалъ, бывало, и что́ особенно дорого, сохраняя при этомъ интонацію говорившихъ, цѣлые сцены и разговоры съ давно умершими людьми. Въ такія рѣдкія минуты Иванъ Ѳедоровичъ былъ неподражаемъ...

А. Н. Островскій, Аполлонъ Григорьевъ, Б. Н. Алмазовъ, Провъ Михайловичъ Садовскій и другіе артисты Малаго театра, вообще кружокъ «молодого Москвитянина», М. С. Щепкинъ, А. Ѳ. Писемскій, А. И. Герценъ, И. С. Тургеневъ, Н. А. Некрасовъ и многіе другіе вызывались въ памяти Ивана Ѳедоровича и производили на

имѣвшихъ счастіе слушать его въ эти минуты неотразимое впечатлѣніе воскрешенія замѣчательныхъ людей, уже давно сошедшихъ со сцены.

Не разъ вспоминалъ Горбуновъ и о своихъ еще недавнихъ посѣщеніяхъ гр. Л. Н. Толстого, очень цѣнившаго «художественную природу» Горбунова, что мнѣ однажды лично пришлось услыхать отъ графа Льва Николаевича.

Ярко и выпукло рисовалась въ воспоминаніяхъ о старой московской жизни своеобразная фигура знаменитаго генералъ-губернатора графа А. А. Закревскаго съ плѣшью на головѣ, напоминающей, по выраженію Горбунова, *стертый полтинникъ*.

Вотъ эти-то образы и сцены мнѣ всегда особенно хотѣлось записать, хотѣлось занести на бумагу иногда вскользь брошенное слово, мѣткую характеристику, цѣлую картину, освѣщающую прошедшее, но до сихъ поръ какъ-то не удавалось, кромѣ небольшой замѣтки въ «Русской Старинѣ» 1898 года, которую привожу снова и въ этихъ воспоминаніяхъ.

Путешествуя за границей, Горбуновъ, будучи въ Лондонѣ, видѣлся тамъ съ А. И. Герценомъ, поразившимъ И. Ѳ. силою своего таланта и тѣмъ «дьявольскимъ остроуміемъ», которымъ онъ, по словамъ Горбунова, отличался. Въ свою очередь и Горбуновъ, послѣ двухъ-трехъ разсказовъ, среди которыхъ, кажется,

былъ «Квартальный», завоевалъ всѣ симпатіи Герцена. Послѣдній пришелъ въ неописанный восторгъ, горячо обнялъ Горбунова и расцѣловалъ его.

По разсказу Горбунова, Герценъ, разставаясь, подарилъ ему свою фотографическую карточку, на которой онъ снялся вмѣстѣ съ Н. П. Огаревымъ и надписалъ: «alter ego».

Во время бесѣды разговоръ вращался вокругъ темы о готовившемся освобожденіи крестьянъ. Носились слухи о будто бы безземельномъ освобожденіи, которые не могли не волновать Герцена. Горбуновъ передавалъ такую сцену: Герценъ посреди разговора вдругъ съ размаху ударилъ кулакомъ по столу и воскликнулъ:

— Нѣтъ! крестьяне *будутъ* освобождены *и съ землей*! [76]).

И. Ѳ. очень высоко цѣнилъ Писемскаго, какъ писателя и говаривалъ:

— Прочтите, батюшка, *настоящій*...

Въ Петербургѣ послѣ одной литературной вечеринки, на которой читалось вслухъ одно изъ только-что вышедшихъ произведеній начинающаго гр. Л. Н. Толстого, Горбуновъ поздно вечеромъ возвращался домой вмѣстѣ съ Писемскимъ, который былъ угрюмъ и молчалъ. Талантъ Толстого видимо произвелъ на него силь-

ное впечатлѣніе. Вдругъ Писемскій останавливается у панели и раздраженно произноситъ:

— Этотъ всѣхъ насъ за поясъ заткнетъ, хоть бросай перо! Офицеришко всѣхъ заклюетъ [77]).

Много воспоминаній приводилъ Иванъ Ѳедоровичъ о Некрасовѣ и у него былъ цѣлый рядъ разсказовъ объ охотахъ съ поэтомъ. Облавы на медвѣдя, лосей, дорожные эпизоды, происшествія на привалахъ и ночевкахъ, словомъ, цѣлая вереница образовъ, сценъ, шутокъ, разговоровъ...

Однажды оба охотника стояли на лосиномъ кругу. Загонщики уже стали приближаться къ линіи, а лосей все не было. Легко было предположить, что лоси вышли изъ круга.

Некрасовъ пересталъ ждать и громко крикнулъ съ своего номера:

— А не приложиться ли къ мадерѣ?

Горбуновъ послѣдовалъ совѣту, но въ эту минуту показывается лось; онъ бросаетъ фляжку, быстро вскидываетъ штуцеръ и стрѣляетъ на вскидку, «какъ по бекасу».

Раздается выстрѣлъ... Лось падаетъ... Подбѣгаютъ...

Лосиха!

Въ другой разъ расположились на привалѣ. Горбуновъ, какъ знатокъ дѣла, возился около

закуски. Охотники стали торопить и кто-то крикнулъ:

— Ну, Ванюша, поскорѣе!

Одинъ изъ окружавшей толпы, желая услужить, вставилъ отъ себя:

— Слышь, Ванька поскорѣе, *господа требуютъ*.

И Горбунова долго съ тѣхъ поръ приводило въ умиленіе это восклицаніе, а *господа* были Некрасовъ и адмиралъ К. К. Краббе [78]).

Разсказываютъ, что былъ совершенно подобный случай въ одномъ домѣ, гдѣ кухарка, будучи въ полной увѣренности, что говоритъ также съ прислугой, начала цѣлый разговоръ, спрашивала, *по чемъ живете* и Иванъ Ѳедоровичъ, не выдавая себя, съ особеннымъ удовольствіемъ поддерживалъ эту бесѣду [79]).

Мнѣ вспоминается другой случай, также приведшій въ восторгъ Горбунова, когда приходскій священникъ у насъ въ деревнѣ освѣдомлялся, будетъ ли пріѣхавшій Горбуновъ «каламбуры отпускать» и какъ самъ Иванъ Ѳедоровичъ безконечно умилялся этому вопросу [80]).

И какъ другой священникъ, проходя мимо дома, гдѣ проводилъ лѣто Горбуновъ и, видя его пишущимъ у себя на балконѣ, замѣтилъ:

— Трудетесь, господинъ литераторъ? [81]).

Говорятъ однажды М. И. Семевскій обратился къ И. Ѳ. съ довольно неожиданнымъ восклицаніемъ:

— А вы не безъ юмора!.

На что Горбуновъ отвѣчалъ:

— Этимъ торгуемъ [82]).

Любопытная сцена происходила на одномъ вечерѣ во дворцѣ, когда читали «Колоколъ» Шиллера, куда и Горбуновъ былъ приглашенъ, такъ какъ покойный Государь Александръ II очень любилъ его слушать. Разсказываютъ, что Государь въ тотъ вечеръ былъ въ дурномъ расположеніи духа, но когда вышелъ Горбуновъ, онъ внезапно оживился, наслаждался разсказами и отъ души смѣялся. Кончивъ разсказывать, Горбуновъ вышелъ въ другую комнату, гдѣ былъ буфетъ и подошелъ къ столу. Въ эту минуту Ѳ. Ѳ. Треповъ кидается къ Горбунову съ слѣдующими словами:

— Пожалуйста, отъ буфета подальше... Потомъ! Потомъ!—думая, что Государь можетъ еще разъ вызвать Горбунова. Государь дѣйствительно еще разъ вызвалъ его [83]).

Къ сожалѣнію, я не могу похвалиться большимъ количествомъ воспоминаній, слышанныхъ отъ Горбунова, но, думается мнѣ, всѣмъ близко знавшимъ его слѣдовало бы, не откладывая,

занести на бумагу все то, что́ еще живо въ памяти. Многое могли бы сообщить и товарищи его по дѣятельности.

У Горбунова есть одна очень яркая сцена, къ сожалѣнію, трудно передаваемая безъ жестовъ и звуковъ голоса изъ міра кажется актеровъ прежняго времени. Кто-то стоитъ за билліарднымъ столомъ съ кіемъ въ рукѣ и цѣлится въ шаръ. Рядомъ идетъ какой-то разговоръ, спрашиваютъ играющаго; тотъ продолжаетъ цѣлиться, но затѣмъ небрежно поворачиваетъ въ сторону вопрошающихъ голову и бросаетъ:

— Я *вообще* въ Бога не вѣрую...

И тутъ же:

— *Желтаго въ уголъ!*

При этомъ онъ дѣлаетъ движеніе впередъ, откидываетъ правую ногу, съ размаху ударяетъ шаръ и... киксуетъ.

Подобный разсказъ былъ еще объ актерѣ Максинѣ, зашедшимъ въ одинъ московскій трактиръ, въ которомъ сидѣли купцы, возвратившіеся отъ службы въ Великую Пятницу. Купцы бесѣдовали съ благоговѣніемъ о службѣ самого владыки Филарета. Максинъ вмѣшался въ эту бесѣду и неумѣстно замѣтилъ:

— Я вообще не вѣрую...

Купцы спросили:

— Во что́?

— Въ евангеліе...

Со стороны купцовъ раздалось рѣшительное:

— Вонъ его!!

Богослова мигомъ убрали.

Однажды одинъ артистъ вернулся домой въ нетрезвомъ состояніи и очень опасался, какъ бы жена его, которая уже спала, не замѣтила его прихода. Поэтому, войдя въ комнату, онъ началъ потихоньку и осторожно раздѣваться. Раздѣвшись совершенно благополучно, онъ сталъ молиться передъ кіотомъ съ образами, какъ вдругъ со стороны кровати слышится кислый, укоризненный голосъ:

— Алексѣй Михайловичъ, вы бы шляпу-то сняли!

Онъ молился совершенно раздѣтый, но... въ шляпѣ [84]).

Въ другой разъ вспоминалъ Иванъ Ѳедоровичъ разные комическіе случаи изъ жизни артистовъ: незнаніе роли и необходимость суфлера, только чтобы знать, что тутъ онъ «батюшка» сидитъ и довольно для спокойствія, или комическія обмолвки артистовъ въ родѣ:

— Эхъ, братъ Иванъ и на твоей слезѣ щека повисла.

Или: «Выпьемъ чару велена зина... зина велена...»

Или какъ однажды кто-то пустилъ нечаянно вмѣсто пили чай—*чилипяй.*

А одинъ трагикъ громкимъ голосомъ возопилъ:

— *Пей* подъ ножемъ Лякопа Пропунова!

Хорошо также изображеніе сцены у фонтана изъ «Бориса Годунова». Актеръ, игравшій Лжедимитрія, послѣ объясненія съ Мариной, встаетъ съ колѣнъ и вмѣсто извѣстнаго: «Довольно! Стыдно мнѣ предъ гордою полячкой унижаться...» съ большой аффектаціей произноситъ:

— *Довольно стыдно* мнѣ предъ гордою полячкой унижаться!

Вспомнилъ однажды Горбуновъ и первую репетицію «Власти Тьмы» на Александринскомъ театрѣ и какъ въ сценѣ дѣвочки съ Митричемъ одна молодая артистка тронула его *до слезы.*

Этотъ отзывъ напомнилъ мнѣ другое опредѣленіе чувствъ, которое Иванъ Ѳедоровичъ однажды высказалъ по поводу продолжительнаго сосѣдства за обѣдомъ съ однимъ скучнымъ господиномъ:

— *Натосковалъ* [85]).

Вотъ еще обмолвка актера, игравшаго сторожа темницы.

— Ну, теперь я спокоенъ: ключи заперты, двери въ карманѣ [86]).

Одинъ артистъ, игравшій Чацкаго, хотѣлъ

послѣ заключительныхъ словъ: «Карету мнѣ, карету!» непремѣнно упасть. Удивленный режисеръ спрашиваетъ: «Для чего это?» Тотъ отвѣчаетъ: «Для эффекта». И упалъ... [87])

И. Ѳ. не выносилъ дѣланности и аффектаціи и очень мѣтко высмѣивалъ подобную интонацію, къ сожалѣнію, не передаваемую на бумагѣ. Особенно удачно выходило выраженіе одного артиста по поводу чьей-то смерти въ одной сценѣ:

— Умерла...а... [88]).

Въ одну изъ средъ, у насъ, незадолго до своей кончины, услыхавъ, что кто-то изъ присутствующихъ ѣздилъ смотрѣть пѣтушиные бои въ Замоскворѣчье, Иванъ Ѳедоровичъ вдругъ сталъ припоминать цѣлый рядъ типовъ изъ этого міра, вспомнился ему какой-то пѣтухъ «Лазоревый» и любители этой забавы. Потомъ онъ перешелъ на любителей птицъ вообще, послышались голоса птицъ, щелканье соловья и благоговѣющее лицо какого-то страстнаго знатока и любителя. Одушевленіе, охватившее Горбунова, было въ этотъ вечеръ до того сильно, что присутствующіе не могли не замѣтить, что эта возбужденность не была естественной... Дѣйствительно, болѣзнь захватывала уже его и скоро свела въ могилу... [89]).

Вѣнецъ творчества Горбунова это созданный имъ историческій типъ, *Генералъ Дитятинъ*. Памятный образъ стараго служаки, чувствующаго себя обойденнымъ, отразившій въ себѣ черты отшедшаго времени. Недовольный новыми порядками, но вмѣстѣ добродушный, воспитанный въ старой суровой школѣ, но умѣвшій всматриваться въ чуждую ему жизнь, онъ не пропускалъ ни одного выдающагося событія, чтобы не сдѣлать своихъ замѣчаній, исполненныхъ глубокаго остроумія. Личность Дитятина замѣчательна была своею жизненностью. Это былъ живой человѣкъ, уцѣлѣвшій какимъ-то чудомъ отъ иной эпохи. Онъ говорилъ нѣсколько охрипшимъ голосомъ, басомъ и въ звукахъ его рѣчи можно было услыхать грустныя ноты. Одинокій старикъ, не желавшій примириться съ новымъ поколѣніемъ, появлялся не часто и не вездѣ. Онъ любилъ тѣсное общество сверстниковъ, да и тамъ иногда нужно было особое настроеніе, чтобы онъ начиналъ гово-

рить. Его короткія, отрывистія фразы и мѣткія изреченія рождались всегда экспромтомъ, вызванныя большею частью кѣмъ-либо изъ собесѣдниковъ, особенно искусныхъ поддерживать разговоръ генерала. Немногіе умѣли вести съ нимъ такую бесѣду и потому не часто приходилось слышать его, и вотъ почему такъ мало извѣстно о генералѣ Дитятинѣ.

Къ тому, что́ приводилось уже въ печатныхъ воспоминаніяхъ другихъ лицъ, я могу прибавить немного, но, можетъ быть, все забытое и недостающее всплыветъ еще въ памяти почитателей Горбунова и дорисуетъ эти неполныя очертанія.

Генералъ-майоръ Дитятинъ 2-й былъ братъ генералъ-майора Дитятина 1-го. Судьба старшаго брата, по разсказамъ младшаго, была самая печальная. Онъ также былъ нелюбимъ въ высшихъ военныхъ сферахъ, вѣроятно за то же нескрываемое озлобленіе противъ новыхъ вѣяній. Дитятинъ 1-й гулялъ однажды по городу и неожиданно былъ на смерть *убитъ кирпичемъ*, упавшимъ съ крыши ненавистнаго ему военнаго министерства, мимо котораго ему случилось проходить. Это не могло, конечно, способствовать примиренію Дитятина 2-го съ существующимъ строемъ и водворившимися при Д. А. Милютинѣ порядками.

У генерала Дитятина были заслуги. Онъ

гордился дарованнымъ ему правомъ носить *георгіевскія помочи*, которыя получилъ по завѣщанію отъ своей крестной матери, нѣжно имъ чтимой Марьи Савишны Перекусихиной.

Онъ любилъ проекты, писалъ иногда спеціальныя сочиненія, напримѣръ, одно: *О преимуществахъ кремневаго ружья.*

Помню, какъ однажды незабвенный генералъ увѣрялъ, что имъ поданъ проектъ, въ виду экономическихъ соображеній, *кормить солдатъ прессованными костями.*

А въ другой разъ развивалъ какой-то стратегическій планъ, кажется, изъ временъ походовъ Дибича и разсказывалъ, какъ онъ *окопался* [90]).

Иронія Дитятина была порой очень злая. Подойдя однажды къ закускѣ, онъ налилъ себѣ рюмку очищенной водки и, высоко поднявъ ее, съ серьезнымъ лицомъ воскликнулъ:

— *Симъ побѣдиши!* [91]).

Дитятинъ слѣдилъ за наукой. Съ какимъ презрѣніемъ отзывался онъ о новой наукѣ о нравственности и удивлялся, почему она новая и почему она нужна.

— Что это за новая наука... етика... Мы знали эту науку... [92]).

Генералъ Дитятинъ зналъ немного греческій языкъ и иногда любилъ повторять слова: τῶν ἀποχμηλεῶν... [93]).

Посѣщалъ онъ и ученыя общества. На одномъ изъ медицинскихъ съѣздовъ, или гдѣ-то въ кругу врачей, онъ даже сказалъ цѣлую рѣчь *О повязкѣ Листера.*

Онъ интересовался новыми судами и часто произносилъ, растягивая:

— *Миттер...ма...а...еръ* [94]).

Генералъ Дитятинъ слѣдилъ и за общественными теченіями и не ему ли принадлежитъ изреченіе, что въ Россіи всякое движеніе впередъ начинается всегда *съ лѣвой ноги,* но съ *равненіемъ направо.*

Дитятинъ слѣдилъ и за внѣшней политикой. Онъ даже ѣздилъ однажды къ Бисмарку... Не помню какъ и по какому поводу это случилось, но впечатлѣніе отъ свиданія было вынесено неблагопріятное и генералъ Дитятинъ разсказывалъ, что *Бисмаркъ человѣкъ посредственный* и не сказалъ ровно ничего интереснаго, а въ отвѣтъ на его слова произнесъ одну только фразу. И генералъ Дитятинъ не разъ повторялъ ее, плохо выговаривая по-нѣмецки:

— *Алле меншенъ муссенъ штербенъ* [95]).

Королеву Викторію онъ называлъ *Виг-торія,* объясняя ея имя изъ соединенія двухъ партій виговъ и торіевъ, которыхъ она примирила [96]).

Иногда Дитятинъ впадалъ въ меланхолическій тонъ и уносился воспоминаніями въ далекое прошлое своихъ юныхъ лѣтъ. Онъ сидѣлъ

какъ-то у насъ въ домѣ на Фонтанкѣ, когда вдругъ неожиданно заиграли старые часы съ музыкой, относившіе къ прошлому столѣтію. Разговоръ сразу оборвался. И. Ѳ. исчезъ, а всталъ генералъ Дитятинъ, подошелъ къ часамъ, и, умиленный знакомыми звуками, можетъ быть, особенно ему памятнаго вечера, сталъ вспоминать фрейлину Шаповалову [97]).

Иногда, что́, впрочемъ, случалось очень рѣдко, онъ пѣлъ романсы подъ аккомпаниментъ фортепьяно. Одно такое пѣніе я слышалъ въ Москвѣ, когда онъ съ чувствомъ пѣлъ извѣстное *Я васъ любилъ* подъ аккомпаниментъ самого автора романса, Бориса Сергѣевича Шереметева.

Иногда Дитятинъ своеобразно замѣнялъ слова въ пѣснѣ. Напримѣръ, вмѣсто слѣдуемыхъ словъ: «тучи черныя мой горизонтъ покрыли», онъ произносилъ:

Тучи черныя
Мой *гарнизонъ* покрыли...

Генералъ Дитятинъ нѣсколько разъ снимался у фотографа и, даря свои портреты, любилъ дѣлать краткія надписи, напримѣръ, на одной фотографіи, подаренной М. П. Садовскому, онъ послѣ своей подписи дрожащей рукой вывелъ: *слапъ сталъ* [98]).

На другой, подаренной И. П. Барсукову, вспомнивъ надпись прошлаго столѣтія въ Ку-

сковѣ, вокругъ одного изображенія льва, онъ примѣнилъ ее къ самому-себѣ и надписалъ:

— *Не свирѣпствуетъ, но непреодолимъ* [99]).

Особенно внимательно слѣдилъ Дитятинъ за литературой, а его рѣчь на обѣдѣ въ честь Тургенева въ ресторанѣ Бореля въ 1878 году обнаружила въ немъ глубокое пониманіе русской исторіи XIX столѣтія.

Очевидцы передавали, что послѣ многочисленныхъ рѣчей произошло нѣсколько непріятныхъ объясненій между И. С Тургеневымъ и Ѳ. М. Достоевскимъ. Положеніе сдѣлалось неловкимъ. Тогда кажется Д. В. Григоровичъ подтолкнулъ Горбунова сказать нѣсколько словъ и сгладить непріятное впечатлѣніе, въ отвѣтъ на что́ онъ произнесъ отъ имени Дитятина свою извѣстную рѣчь, которая сразу возстановила у всѣхъ пріятное расположеніе духа.

Рѣчь эта была своевременно напечатана, но въ послѣднее время Горбуновъ дѣлалъ нѣкоторыя измѣненія, передавая ее немного иначе.

Генералъ Дитятинъ сказалъ:

— Милостивые государи, вы собрались здѣсь чествовать литератора сороковыхъ годовъ, отставного коллежскаго секретаря Ивана Тургенева.

Я противъ этого ничего не имѣю...

По приглашенію господъ директоровъ, я явился сюда неприготовленнымъ встрѣтить такое собраніе россійскаго ума и образованности.

Хотѣлось бы говорить, но говорить, находясь среди васъ, трудно: во-первыхъ, разница нашихъ взглядовъ, во-вторыхъ, свойственная людямъ моей эпохи *осторожность*. Насъ учили больше осматриваться, чѣмъ всматриваться, больше думать, чѣмъ говорить, словомъ, насъ учили тому, чему, къ сожалѣнію, теперь уже болѣе не учатъ.

Милостивые государи, вы слишкомъ молоды! Среди васъ нѣтъ ни одного, кто былъ бы свидѣтелемъ того перелома и треска въ литературѣ, коего я былъ свидѣтелемъ.

Объясняюсь...

Въ началѣ 30-хъ годовъ, выражаясь риторическимъ языкомъ, среди безоблачнаго неба, тайный совѣтникъ Дмитріевъ былъ внезапно обруганъ семинаристомъ Каченовскимъ.

Подняли шумъ...

Критикъ скрылся...

Далѣе, генералъ-лейтенантъ, сочинитель патріотической повѣсти 12-го года, Михайловскій-Данилевскій былъ обруганъ.

Были приняты мѣры...

Критикъ испыталъ на себѣ быстроту фельдъегерской тройки...

Стало тихо.

Но на почвѣ, удобренной и усѣянной мыслителями тридцатыхъ годовъ, показались всходы. Эти всходы заколосились и первый тучный колосъ, сорвавшійся со стебля въ 40-хъ годахъ, были «Записки Охотника», принадлежавшія перу чествуемаго вами нынѣ литератора сороковыхъ годовъ, отставного коллежскаго секретаря Ивана Тургенева.

Въ простотѣ солдатскаго сердца, я взялъ эти «Записки», думая найти въ нихъ записки какого-либо *военнаго* охотника.

Оказалось, что подъ поэтической оболочкой скрываются *такія* мысли, о которыхъ я не рѣшился не доложить графу Закревскому.

Графъ сказалъ:

— Я знаю.

Я въ разговорѣ упомянулъ объ этомъ князю Сергѣю Михайловичу Голицыну.

Онъ сказалъ:

— Это дѣло администраціи, а не мое.

Я сообщилъ митрополиту Филарету.

Владыка мнѣ отвѣтилъ:

— Это вѣяніе времени.

Я увидѣлъ что-то странное.

Я понялъ, что мое дѣло проиграно и... посторонился.

Теперь, милостивые государи, я стою въ сторонѣ, пропуская мимо себя нестройные ряды

идей и мнѣній, постоянно сбивающіеся съ ноги, но я всѣмъ говорю: *хорошо!*

Но мнѣ уже никто, какъ бывало, не отвѣчаетъ «рады стараться, ваше превосходительство», а только взводные съ усмѣшкой киваютъ головой.

Я кончилъ...

И еще разъ подымаю бокалъ за здоровье отставного коллежскаго секретаря, литератора сороковыхъ годовъ Ивана Тургенева [100]).

На этомъ кончаю свои отрывочныя воспоминанія. Сознаю, что они далеко не совершенны, а порой, можетъ быть, переданы и не съ безусловной точностью, но я надѣюсь, что даже эта внѣшняя оболочка разсказовъ Горбунова будетъ не излишня. Талантъ его проявлялся сильнѣе всего въ живой, изустной рѣчи, а потому невозможно вызвать всю сопутствовавшую ей неуловимую игру лица и голоса, которые составляли истинную душу и несравненную прелесть его разсказовъ. Въ этомъ отношеніи повторить ихъ уже нельзя и неслыхавшіе Горбунова навсегда лишены возможности ясно представить себѣ всю силу его замѣчательнаго, чисто русскаго, единственнаго таланта.

УКАЗАТЕЛЬ ИСТОЧНИКОВЪ.

1) Слышалъ лично.
2) Собр. соч. И. Ѳ. Горбунова. Спб. 1883.
3) Idem.
4) Почти все „Московское Захолустье“ записано изъ слышаннаго лично, за исключеніемъ отмѣченныхъ двухъ мѣстъ, взятыхъ изъ собраній сочиненій. О свадьбѣ нѣсколько подробностей отъ гр. Б. С. Шереметева.
5) Отъ Гр. Д. С. Шереметева.
6) Отъ Н. П. Богданова-Бѣльскаго.
7) Собр. соч.
8) Слышалъ лично.
9) Варьянтъ къ напечатанному разсказу въ собраніи сочиненій.
10) Собр. соч.
11) Отъ С. Т. Филиппова.
12) Собр. соч.: „Обидно“.
13) Отъ С. Т. Филиппова.
14) См. 12.
15) О пріѣздѣ американцевъ, изъ слышаннаго лично.—Подобную рѣчь на англійскомъ языкѣ Горбуновъ однажды произнесъ въ Лейбъ-Гвардіи Гусарскомъ полку въ присутствіи гостившихъ въ то время въ Петербургѣ представителей полка Scotch-Greys. Это было въ 70-хъ годахъ. По свидѣтельству А. Ѳ. Безобразова рѣчь была произнесена въ самомъ концѣ вечера, а потому произвела очень сильное впечатлѣніе. Гости были убѣждены, что ихъ привѣтствуютъ на родномъ языкѣ.

16) Отъ С. Т. Филиппова.
17) Отъ гр. Д. С. Шереметева.
18) Отъ гр. Д. С. Шереметева.
19) Варьянтъ къ разсказу „Тенерифъ". Записанъ мной по памяти безъ справки съ напечатаннымъ. Нѣсколько дополненій отъ М. А. Стаховича.
20) Отъ гр. Д. С. Шереметева и А. П. Сабурова.
21) Слышалъ лично, съ дополненіемъ отъ гр. Б. С. Шереметева.
22) Слышалъ лично. Разсказъ этотъ о „брюкахъ" былъ прочитанъ М. И. Писареву, который дополнилъ нѣсколько выраженій.
23) Слышалъ лично.
24) Варьянтъ къ записанному А. Ѳ. Кони (см. Вѣстникъ Европы 1898).
25) Слышалъ лично. Нѣкоторыя мѣста дополнены М. А. Стаховичемъ.
26) Слышалъ лично.
27) Слышалъ лично.
28) Слышалъ лично. Срав. собраніе сочиненій.
29) Изъ большого разсказа „Лѣсъ", напечатаннаго въ собраніи соч. Записано съ измѣненіями въ томъ приблизительно видѣ какъ И. Ѳ. разсказывалъ.
30) Изъ большого разсказа „Медвѣдь" съ значительными сокращеніями. Къ этому разсказу были разные варьянты, чередовавшіеся съ личными охотничьими впечатлѣніями И. Ѳ. Горбунова.
31) См. также 78.
32) Слышалъ лично.
33) Слышалъ лично. Первыя строки этого разсказа попали въ „Альбомъ М. И. Семевскаго". О губернаторской дочкѣ и откупщикѣ безъ ногъ слышалъ отъ Н. В. Султанова.
34) Отъ С. Т. Филиппова.
35) Слышалъ лично.
36) Слышалъ лично.
37) Слышалъ лично.
38) Отъ Ив. П. Барсукова, частью лично.
39) Слышалъ лично.
40) Слышалъ лично.
41) Слышалъ лично.
42) Отъ гр. Д. С. Шереметева.

43) Отъ Н. П. Барсукова.
44) Все объ учителяхъ слышалъ лично съ дополненіями С. В. Максимова, С. Т. Филиппова, гр. П. С. Шереметева, гр. Д. С. Шереметева и Н. П. Барсукова.
45) Отъ С. В. Максимова.
46) Отъ В. К. Истомина.
47) Отъ С. Т. Филиппова.
48) Слышалъ лично.
49) Слышалъ лично.
50) Отъ гр. П. С. Шереметева.
51) Отъ гр. Д. С. Шереметева.
52) Отъ С. Т. Филиппова; кажется это разсказъ Н. В. Павлова.
53) Слышалъ лично.
54) Отъ В. К. Истомина.
55) Отъ гр. С. Д. Шереметева.
56) Слышалъ отъ покойнаго Владиміра Сергѣевича Соловьева въ годъ кончины.
57) Отъ гр. С. Д. Шереметева.
58) Слышалъ лично.
59) Отъ В. К. Истомина.
60) Отъ гр. Д. С. Шереметева. По словамъ М. П. Садовскаго этотъ случай былъ имъ сообщенъ И. Ѳ. Горбунову, какъ дѣйствительно происшедшій въ Москвѣ.
61) Слышалъ лично.
62) Слышалъ лично.
63) Слышалъ лично.
64) Слышалъ лично.
65) Отъ гр. С. Д. Шереметева и А. Ѳ. Безобразова.
66) Отъ гр. С. Д. Шереметева.
67) Прислано мнѣ И. Ѳ. Горбуновымъ 19 февраля 1892 года.
68) Отъ Н. В. Султанова.
69) Слышалъ лично. Клочекъ бумаги съ этой записью былъ взятъ мной въ тотъ вечеръ.
70) Отъ гр. Н. Е. Комаровскаго.
71) См. напечатанный разсказъ „Медвѣдь“.
72) Слышалъ лично.
73) Idem.
74) Idem.
75) Отъ кн. П. Д. Святополкъ-Мирскаго.

76) Слышалъ лично (ср. „Русскую Старину“, 1898 годъ.).
77) Слышалъ лично и отъ кн. Д. Д. Оболенскаго.
78) Слышалъ лично.
79) Отъ С. В. Максимова.
80) Слышалъ лично.
81) Отъ гр. С. Д. Шереметева.
82) Отъ Н. П. Барсукова, слышавшаго это восклицаніе на юбилейномъ обѣдѣ А. Н. Майкова.
83) Отъ Н. П. Барсукова, со словъ очевидца гр. А. Н. Ламздорфа.
84) Объ играющемъ въ билліардъ отъ гр. С. Д. Шереметева, о Максинѣ отъ Н. П. Барсукова и молившемся въ шляпѣ отъ А. П. Барсукова и О. Н. Шереметевой.
85) Всѣ эти мелочи слышалъ лично.
86) Отъ гр. П. С. Шереметева.
87) Отъ гр. П. С. Шереметева.
88) Отъ гр. С. Д. Шереметева.
89) Отъ гр. С. Д. Шереметева.
90) Слышалъ лично; о М. С. Перекусихиной отъ Н. П. Барсукова.
91) Отъ гр. С. Д. Шереметева.
92) Отъ гр. С. Д. Шереметева.
93) Слышалъ лично.
94) Отъ гр. Д. С. Шереметева.
95) Отъ гр. С. Д. Шереметева.
96) Слышалъ лично.
97) Отъ гр. С. Д. Шереметева.
98) Отъ М. П. Садовскаго.
99) Отъ Ив. П. Барсукова. Надпись сдѣлана И. Ѳ. на подаренномъ портретѣ.
100) Слышалъ много разъ лично. Срав. редакцію, напечатанную самимъ Горбуновымъ въ „Русской Старинѣ“.

ДОМАШНЯЯ
БИБЛИОТЕКА
УЛИТИНА
Алексея Викторовича

3 6105 124 440 [illegible]

(9

2-5

5578/48

Ленинград
Мл. 13
Р. — Н.

PG
3337
G62Z88

Stanford University Libraries
Stanford, California

Return this book on or before date due.

ОНДА
СССР